

Русские тетради

Историко-политические анализы и комментарии

№ 32. Буэнос-Айрес, октябрь 2016

Кратчайший толковый политический словарь

Толковый словарь, дающий какое-либо толкование, кроме прямого перевода слов, объясняющий производство слов.
Владимир Даль

Абсолютизм

Выражение, употребляемое для обозначения политических режимов, отличающихся своей крайностью, без наличия в них ограничивающих или смягчающих элементов, т. е. не имеющих соборного характера. Это выражение образованно от латинского слова *absolutus* (абсолютный), причастия от глагола *absolvere*, оправдывать, освобождать от обязанности, разрешать, отрешать, отвязывать, освобождать.

В философском смысле абсолютно то, что «есть само по себе» («кат авто» по-гречески), что «отделено и отвязанно (отрешено) от чего бы то ни было» (*ab alio solutum*), что «независимо» и «ничем не обусловлено», «безусловно», «самостоятельно». В политическом смысле абсолютизм обозначает отрешенность государственной власти от всякого начала (принципа) и её безусловную независимость от общества как такового. Абсолютизм предствляет симметрию отрешений: народ (его большинство и его меньшинства) отрешается от всякого участия и влияния в государственных делах, а государственная власть отрешается от зависимости от любых не зависящих от неё ориентаций и инстанций. По классификации Аристотеля, перечисляющего пять основных видов монархии, абсолютизм можно условно отнести к группе «варварских царств» (*βασιλείαι τῶν βαρβάρων*). (Политика, 1285, а). Согласно Аристотелю, демократия тоже может быть абсолютной, «крайней» (*ἐσχάτη*). (Политика, 1312 в, 36).

Абсолютизм развился в Римской Империи в процессе концентрации всей власти (верховой и управительной) в руках императора и превращения соборных учреждений в декоративные, особенно после 235 года, когда военные легионы свергли императора Александра Севера и стали выбирать императоров без согласия Римского Сената, учреждённого в самих истоках Римского Государства. В ряде западноевропейских государств в 18 и 19 веках абсолютизм был первым политическим проявлением модернизма, почти одновременно с либерализмом. В Россию абсолютизм частично перебрался из Западной Европы во времена Петра Великого, когда российские традиционные соборные учреждения Патриархата, Боярской Думы и Земского Собора перестали действовать и были частично заменены бюрократическими структурами, перенятыми из Западной Европы.

Авторитарный

Прибавляющий, приумножающий, увеличивающий, обеспечивающий рост, творящий, предохраняющий от неудач. От латинского существительного *auctoritas*, от глагола *augere*, прибавлять, увеличивать, приумножать. Применяется в современных языках, часто с отрицательным оттенком, для обозначения некоторых политических режимов, характеризующихся твёрдой властью. Авторитарность, по замыслу создателей этой конституционной функции Римской Республики, является существенным условием для легитимного применения силы политической властью.

В Римской консульской республике (510 – 40 до Р. Х.) термином *auctoritas* обозначалось конституционное право сенаторов-патрициев и членов жреческой коллегии авгуров тормозить или

аннулировать политические акты и мероприятия, которые по их мнению не благоприятствовали росту Римской республики и увеличению блага ее граждан. Это право сенаторов-патрициев (т. е. потомков основателей Рима, а не приписанных позже пришельцев) называлось *auctoritas patrum*, что можно перевести, как «авторитет отцов». Параллельно термину *auctoritas* в Риме был употреблен также и термин того же корня *augurium*, который сохраняется и в современном итальянском языке, со смыслом «благое пожелание». Например, молодоженам при поздравлении говорят «*auguri et filii maschi*», что значит «желаем прибавления и детей мужского пола».

Немецкий ученый Арнольд А. Т. Эрхардт считает, что термин «аукторитас» является «настолько сложным, что он еще не разъяснен полностью филологами... Авторитет не является чем-то самодостаточным, а средством для чего-то большего. Авторитет является... чисто духовной властью, которая унижается каждый раз, когда она прибегает к помощи физической силы». (Христиане и авторитет. Журнал Юнеско *Diogenes*, № 41, 1963). Немецкий философ Карл Ясперс дает следующие определения: «Ауктор – это тот, кто утверждает и поощряет нечто; аукторитас – это сила, служащая для того, чтобы производить, поддерживать и увеличивать». Однако, это не физическая сила, и даже не «мирской авторитет», ибо «всякий мирской авторитет неизбежно кончается потерей данного ему доверия», так как «претензия авторитета без трансцендентности ведет к послушанию без трансцендентности». (Karl Jaspers. *Libertad y autoridad*. Журнал Юнеско *Diogenes* № 1, 1952).

Первый авторитарный государственный строй был учрежден при основании римской монархической республики в 753 г. до Р. Х. Он систематически дальше развивался в римской монархической, а затем и в консульской республике (начиная с 510 г. до Р. Х.). Этот строй отличался **соборным соучастием** в политической государственной власти четырех элементов: 1. Верховной власти, сперва одного или двух царей, с титулом гех, а затем двух предводителей, сперва с титулом *prator maximus* (верховный предводитель), а затем с титулом консулов (по-видимому «вместе танцующих»). 2. Аристократического меньшинства, состоящего из класса сенаторов а затем и класса всадников. 3. Народного большинства, собирающегося на общих народных сходках, а также голосующего по куриям и сотням. 4. Жреческой коллегии шести авгуров, провозглашающих «инаугурацию» благих начинаний. Без такого провозглашения ни законы, ни выборы, ни мероприятия не считались легитимными. Такое соборное соучастие определялось также и в имени римского государства: **сенат и народ римский** (*Senatus Populusque Romanus*). Оно закреплялось наличием в римском государстве учреждений, обладающих **правом на вето** по отношению ко всем политическим актам, включая выборы и законы, каковое понималось как залог для **приумножения благоденствия** государства. Значит, отличительной чертой авторитарного строя является наличие в нем, наряду с учреждениями верховной власти (*imperium*) и управительных властей (*potestas*), также и органов, обладающих авторитетом (*auctoritas*), для **сдерживания** этих властей.

Цицерон, в своем труде «О государстве» (*De republica*), говорит, что вся суть римской государственности заключается в учреждении самим ее основателем Ромулом «двух наивысших основ нашего государства: авгуров и сената». Ортега-и-Гассет обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место жреческую коллегию авгуров, а не сенат. Этим лишним раз подтверждается, утверждает Ортега, что политика неразрывно связана с религиозным мировоззрением народа, вернее, что она из него вытекает, когда она легитимна: «Такое поведение, которое нам не позволяет жить легкомысленно, но заставляет нас вести себя с осторожностью по отношению к трансцендентной действительности, выявляет тот строгий смысл, который для римлян имело слово религия... Слово «*augurium*» обозначало только лишь рост, приумножение, предприятие. От него происходят *auctoritas, augustus*... Понятия верований и государства взаимно проникаются». (Ортега-и-Гассет. О римской империи.) Цицерон намекает на общий корень этих слов, утверждая, что «в государстве основной и самый важный порядок опирается на авторитет авгуров». («*Maximum autem et praestantissimum in re publica ius est augurum cum auctoritate coniunctum*». *De legibus*, 2, 31.)

Ортега-и-Гассет определяет следующим образом римский авторитарный строй: «Город, *civitas*, государство для римлянина обозначало пространство, в котором никакой человек не навязывает свою личную волю. В городе управляет только **авторитет, и авторитет – это закон для всех, анонимный в своих истоках и анонимный по своему содержанию**». (Jose Ortega y Gasset. *Una interpretación de la historia universal*. Madrid. 1960, pag. 99). «Римляне не пустословили, не занимались утопиями. Они делали коренное различие между гражданским и ратным часом... между *domi* и *militiae*, то есть дома или в войске... В войске генерал или император обладал властью, которой никто не обладал в стенах города. В нем (в городе) царил только, как было сказано, авторитет, а **авторитет – это безличный закон**». (Там же, стр. 100 и 101). В свою очередь, Карл Ясперс утверждает: «Свобода не имеет содержания без авторитета, которому она подчиняется. Авторитет не является подлинным,

если он не пробуждает свободу. Свобода и авторитет идут вместе... **свобода существует только вместе с авторитетом...** Авторитет и свобода могут спастись в нашу эпоху только при условии допущения веры». (Karl Jaspers. Libertad y autoridad. Diogenes N° 1, Buenos Aires, 1952).

Именно такой авторитарный строй, по-видимому, и имел ввиду Аристотель, утверждая, что «в политиях... немногие обладают авторитетом, чтобы отвергать, но не утверждать, ибо для этого предложение всегда выносится на утверждение большинства». (Политика, 1299 а.) Через два века, другой грек, известный историк Полибий, назовет римское государственное устройство образцовым, так как оно является «смешанным устройством», включающим в себя элементы царской власти (консулы), аристократию (сенат) и демократию (народные собрания). Можно добавить: и религиозные элементы, юридически четко обусловленные. Цицерон переводит греческий термин «полития» именем Римского государства: «республика». В республике «власть находится у народа, а авторитет у сената» (potestas in populo, auctoritas in senatu sit), чтобы в ней обеспечить согласие. «Я даю свободу народу, для того, чтобы хорошие имели и осуществляли авторитет.» Для того, чтобы «свобода существовала на деле, а не на словах (in re, non verbo), она должна быть доверена славнейшим учреждениям, чтобы уступать авторитету первейших». (Законы, III, 28, 38, 25).

Во время Октавиана (30 до Р. Х. - 14 п. Р. Х.) политический и религиозный авторитет в Риме сливаются в одном лице, что выражается в принятии им в 27 году до Р. Х. году титула Августа (Augustus), одного корня с auctoritas и augur. В 12 году Август принимает также и титул «верховного понтифика» (pontifex maximus), то есть первосвященника. Это слияние преодолевается лишь после преобразования языческой Римской империи в христианскую в Константинополе, при испанском императоре Феодосии Великом, который отказывается от этого титула. А затем, окончательно и формально, при императоре Юстиниане Великом, законом о Симфони и (Шестой Новелле), определяющим предпосылки для правильного отделения Церкви от государства.

На гравюре-портрете императора Петра Великого, сделанной в 1703 году Шхонбеком, имеется надпись: «Петр Первый император, **присноприбавитель**, царь и самодержец всероссийский». (Акад. М. М. Богословский. Петр Первый. Госполитиздат, 1948. Том 4-ый, стр. 466). Титул императоров Священной Римской Империи Германской Нации «Romani imperii semper Augustus» немцы переводят как «Римской империи **всегда приумножитель**» («des goemischen Reiches allzeit Mehrer». Lateinische Zitate. Hildesheim, Gerstenberg Verlag, 1991). В формуле присяги канцлеров современной Германии, при их «инаугурации», до сих пор сохраняется это слово, в виде обещания присягающего «**всегда приумножать**» благо немецкого народа: «Я присягаю, что буду **служить немецкому народу** (dem deutschen Volke dienen) и что буду **приумножать его блага**» (seine Nutzen **mehren**). Значит, современная демократическая «Федеративная Республика Германия» (ФРГ) не только идентична с Германской империей, согласно решению Конституционного суда ФРГ от 1957 года, но также претендует и на аналогичную с Империей авторитарность.

Аксиополитика

Наименование отрасли политической науки, исследующей **соотношения между политикой и системами верований, ценностей и нравов** (этики), образованное из греческих слов «аксиос» и «политика». Этот термин аналогичен выражению «геополитика», образованному из комбинации греческих слов «земля» и «политика». В философии существует дисциплина «**аксиология**», т. е. **наука о ценностях**. Проследить соотношение между политикой и системами верований, ценностей, идей и нравов в истории человечества не трудно, ибо все древние государства были так или иначе тесно связаны с религиями и вообще с верованиями их народов.

В этом смысле, особенно интересно отметить соотношение между аксиополитикой и геополитикой. Можно утверждать, что **аксиополитика всегда так или иначе ориентирует геополитику**. В древней истории это почти всегда происходило открыто, публично, но в последние времена такая ориентация весьма часто проводится скрытно, закулисно и даже засекречено. В основном, это происходит по причине конспиративного и даже мистериального характера некоторых идеологических систем, которым удалось возыметь политический перевес над традиционными системами народных ценностей и верований.

Публичный теократический характер древних государств Месопотамии и Египта известен. В так называемых «больших» восточных государствах Древнего Мира, в государствах-культурах Египта и Месопотамии, можно наблюдать максимальное слияние религиозных и государственных учреждений. Высшая политическая и высшая религиозная власть в них принадлежала одним и тем же лицам. Такая «персональная уния» откладывала свой отпечаток на весь государственный строй.

В Древнем Израиле, географически возникшем между Месопотамией и Египтом, этими двумя большими древними культурами-государствами, впервые в истории человечества появляются новые

соотношения между государством и религией. Государство Израиль как таковое образовалось **после** Ветхозаветной Церкви. В Древнем Израиле, Церковь не только существовала **до** государства, но она же и создавала это государство и его аксиополитику и направляла его геополитику, с самого начала, в согласии с этой аксиополитикой. Барух Спиноза считает, что «*правление у евреев можно назвать теократическим*», ибо «его граждане не признавали никакого иного права, кроме полученного через откровение» (Tractatus Theologico-Politicus, 17, 32). Спиноза отмечает несколько периодов развития этого правления. Сначала «евреи... обязались единодушно исполнять все указания Бога, без назначения никакого посредника», так как «они уступили взаимообразно сами себе свои права». (Там же, 17, 33). Это была своеобразная **демократическая теократия**, считает Спиноза. Затем, они передали все свои права вопрошать Бога Моисею. Моисей стал единственным посредником между Богом и еврейским народом. Народ даже не имел права назначить преемника Моисею. Потом сам Моисей **раздвоил** свои функции, передав первосвященство своему брату Аарону и его наследникам. Таким образом, были созданы **две власти, взаимообразно ограничивающиеся**, но находящиеся **в симфонии между собой**. Религиозная власть толковала законы, но не по своей инициативе, как Моисей, а только в ответ на запросы власти административной. В свою очередь, **политическая власть должна была править в соответствии с божественными законами** и в соответствии с этими толкованиями. (Там же, 17, 41). При этом нельзя не отметить весьма важную роль **пророков** в Древнем Израиле. Они строго следили за соблюдением и сохранением религиозных и нравственных ценностей, и публично обличали их нарушителей. Когда было нужно, они даже выступали («говорили») **против народа**, а не «говорили народу», как обыкновенно переводятся эти места Писания (Пророка Амоса, 7, 15). Ортега-и-Гассет отмечает, что известный филолог Рудольф Киттель (Rudolf Kittel) утверждает именно такой смысл соответствующих оригинальных библейских текстов. В свою очередь, известный эллинист Вернер Йегер обращает внимание на то обстоятельство, что греческие отцы Церкви переводят библейские слова «пророк говорит», как «пророк **наставляет**» (πρῶταγορεύει). **Педагогика служит аксиополитике и является её инструментом.**

Эволюция политических и общественных институций в Древней Греции, и особенно в Афинах, тоже свидетельствует о **примате аксиополитики** над всеми остальными подвидами политики. Мишель Фуко, в курсе лекций в 1970-1971 годах в Колледже Франции, подробно описывает неизменное сохранение влияния религиозных установок и ценностей при эволюции политической, и особенно судебной власти в Древней Греции, от VII в. до IV в. до Р. Х.. Даже чеканка государственной металлической монеты была вызвана, считает Фуко, необходимостью согласовать с новыми временами религиозное требование взимания «десятины» с доходов (т. е. «жертвоприношения») состоятельных граждан, чтобы эти десять процентов затем распределить, главным образом, в пользу неимущих. Фуко отмечает, что взимание десятины деньгами, а не товарами, не только технически облегчало саму эту операцию, но также и обеспечивало **сохранение права на собственность**, в первую очередь на землю, которая в те времена была главным средством производства. Значит, сохранение собственных учредительных ценностей не допускало отчуждения средств производства. Коммерческая функция денег, как средства облегчающего обмен товарами, была второстепенной, в истоках адаптации греками этого лидийского нововведения, считает Фуко. Он также считает, что создание греческого алфавита и развитие педагогики тоже служили **сохранению традиционных греческих религиозных ценностей**. Также и длинный процесс политических и судебных реформ в Греции в этот период свидетельствует о примате сохранения **собственных аксиополитических принципов** и ценностей при проведении этих реформ, ввиду эволюции внешних аспектов политической и общественной жизни. Более того, Фуко обращает внимание на очевидное стремление Греции этих веков к **возвращению** к своим прежним первоначальным **собственным ценностям**, из домикенского периода. Можно добавить, что оракулы Древней Греции, Елевзинские мистерии и даже Олимпиады тоже служили сохранению этих ценностей.

Согласно легендам и хроникам об основании Рима Ромулом и Ремом в 753 году до Р. Х., сам акт основания, также как и «**инаугурация**» второго царя, Нумы Помпилия, сопровождалась рядом символических действий глубокого религиозного значения. Цицерон в своем труде «Законы» говорит, что Ромул в самом зачатке Римского государства основал «**два славнейших учреждения: авгуров и сенат**». Ортега-и-Гассет, комментируя эти слова Цицерона, обращает особенное внимание на то, что Цицерон ставит на первое место **авгуров** и лишь на второе – сенат. Действительно, сам Цицерон подчеркивает в указанном труде, что «*наивысшее понятие права в Римском государстве связано с авгурами*». Авгуры были жреческой коллегией, состоящей из шести членов, которая **сама кооптировала** (включала) в свой состав дополнительных членов, по мере необходимости. Она официально занималась **предугадыванием** (т. е. **футурологией**) дальнейшего развития военных и политических событий и процессов. То обстоятельство, что им одновременно было поручено и

хранение государственных архивов, свидетельствует о характере и сути их конституционных функций: изучая и хорошо зная прошлое, они должны были предостерегать от повторения предыдущих ошибок и **блюсти соответствие римской геополитики с римской аксиополитикой**. Они не обладали властью принимать какие бы то ни были решения, но имели право на **вето** по отношению к любым решениям власть имущих. Дабы обеспечить исполнительную силу этих вето, они были объявлены священными и никем не отменимыми. Более того, их приговоры имели трансцендентный характер, ибо считались стоящими **над** человеческими страстями и притязаниями, ибо они формально зависели лишь от угадывания смысла и значения птичьих полетов.

Аксиополитический характер функций коллегии авгуров дополнялся наличием в Римском государстве другой специфической жреческой коллегии, а именно коллегии «понтификов», «мостостроителей», состоящей из пяти членов, возглавитель каковой был верховным жрецом Римской Республики («pontifex maximus»). Юлий Цезарь соединил обе эти коллегии понтификов и авгуров в одну, дав понтификам права авгуров, а его преемник Август (30 г. до Р. Х. – 14 г. после Р. Х.) сам принял титул «верховного понтифика» в 12 году до Р. Х., соединив в своем лице и многие другие титулы Римской Республики. Все последующие римские императоры обладали также и этим титулом **верховного жреца**, что давало им право на личную священную неприкосновенность, одновременно подтверждая отмену соборного характера этой новой монархии, ибо сводило все государственные функции к одному единственному лицу. Таким образом, это уже была **абсолютная монархия**, вплоть до 391 года, когда испанский император Феодосий Великий отказался от этого языческого титула верховного понтифика, ибо к этому времени все члены Римского Сената в Константинополе уже стали христианами, и вследствие этого император конституционно стал **христианским царём**.

При перемене систем ценностей, т. е. господствующих верований, идеологий и мировоззрений в государствах, всегда неизменно происходят перемены также и в геополитике этих государств, хотя сами по себе географические условия и не меняются. Таким образом, при одних и тех же географических условиях могут быть разные геополитики. Значит, геополитика, хотя и имеет прямое отношение к географии, отнюдь не зависит от неё в исключительной форме, ибо если бы такая зависимость действительно существовала, никакая геополитика никогда бы не менялась, ибо география не меняется. Также нельзя ставить геополитику в абсолютную зависимость и от экономики. Геополитика зависит одновременно, хотя и по разному, от нескольких факторов, в том числе от географии, экономики, этнических элементов и от **господствующей системы ценностей**, то есть от аксиополитики. Причём, эта **господствующая** система ценностей может быть выражением народных традиционных верований и нравов или же быть **чужеродной шкалой ценностей**, насильно навязанной, с помощью чужеродной конституционной системы, путём завоевания, или революционным или манипуляционным путём.

Верования

Один из элементов государства, наряду с народом, территорией, властью и конституцией. В истории всех исторических государств можно отчетливо проследить наличие религиозных **верований** народа. Фюстель де Куланж, в «Древней гражданской общине», утверждает: *«Взгляните на учреждения древних, не размышляя о их верованиях, и вы найдете их тёмными, необъяснимыми... Но рядом с этими учреждениями и этими законами поставьте верования: факты тотчас станут ясными»*. (Стр. 2, 3; цит. в «Монархической Государственности» Л. А. Тихомирова.)

Ортега-и-Гассет утверждает, что любая верховная власть **«только тогда юридически легитимна когда она основывается на компактном веровании всего народа, что она действительно обладает на это правом. Это право не признается в обособленном виде, ибо верование, что царь или сенат имеют право править, существует только лишь как часть целостного верования в определенную концепцию мира, каковая разделяется всем народом. В итоге, это и есть consensus. Эта концепция должна быть религиозной. Поэтому, когда – по тем или иным причинам – эта общая целостная концепция расщепляется, слабеет или исчезает, то вместе с ней расщепляется, слабеет или исчезает также и легитимность»**. («Интерпретация всемирной истории», Мадрид, 1959, стр. 174). Ортега-и-Гассет определяет «консенсус» как **«общее полное верование в определенное представление о жизни и мире»**. (Там же, стр. 190) **«За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, следует немедленно распад легитимности публичной власти»**. (Там же, стр. 226) Тогда, уже **«нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе»**. (Там же, стр. 228)

Л. А. Тихомиров считает верования частью **«социального фундамента государства»**, каковым является **«нация»**. («Монархическая Государственность», Буэнос-Айрес, 1968, стр. 30) Верования выражаются более всего в верховной власти, **«которая есть конкретное выражение принципа,**

принимаемого нацией за объединительное начало» (Там же, 33). «В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни». (Там же, 67) «Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». (Там же, 68) «Верховная власть. выражает весь дух, предания, верования и идеалы народа». (Там же, 80). Святой Константин Великий «являлся представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а выразителем народного нравственно-религиозного идеала». Он был «новым монархом», который «выступил властью верховною, но не безусловною, не абсолютною». (Там же, 143) Ибо, «для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благодетельное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы **источники зарождения и созревания этики были независимы от государства**. Государство есть область принуждения. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно». (Там же, 466).

Ф. М. Достоевский утверждает, что это начало является учредительной силой, создающей саму национальность: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью». («Дневник писателя», 1880 год) Основатель сионизма, Теодор Герцль, тоже говорит, что «вначале — идея». (Речь на Пятом конгрессе сионизма, в Базеле). В другой речи (в Берлине) Герцль говорит об «облачении древнего народного идеала в политические формы». В своем труде «Еврейское государство», Герцль подчеркивает, что «мы признаем сами себя принадлежащими к одному народу только через веру наших отцов».

Таким образом, если элементами государства являются (кроме власти, народа и территории) **верования** этого народа и его **политический строй**, очевидно, что государство не может игнорировать неизбежную необходимость установления каких-то взаимоотношений с религиозными учреждениями, вытекающими из верований, то есть из одного из государственных элементов. Народ является создателем и учредителем двух видов учреждений, религиозных и государственных, исполняющих разные функции, но принадлежащих одному общему народно-общественному организму. Посему и связь между этими учреждениями является абсолютно неизбежной, так как у них один и тот же источник и один и тот же пользователь. Конечно, характер этих взаимоотношений может быть разным. Чтобы определить главные виды этих взаимоотношений, необходимо сделать обзор реально существовавших видов государств и установить, какие взаимоотношения они имели с религиозными учреждениями.

В так называемых «больших» восточных государствах Древнего Мира, в государствах-культурах Египта и Месопотамии, можно наблюдать максимальное слияние религиозных и государственных учреждений. Высшая политическая и высшая религиозная власть в них принадлежала одним и тем же лицам. Такая «персональная уния» откладывала свой отпечаток на весь государственный строй. Лучше всего такой строй выражен в Древнем Египте: фараон был одновременно главой государства, верховным жрецом и даже божеством. В Древнем Израиле, географически возникшем между этими двумя культурами-государствами, впервые в истории человечества появляются совершенно новые соотношения между государством и религией. Государство Израиля как таковое образовалось **после** Ветхозаветной Церкви. В Древнем Израиле Церковь не только существовала до государства, но она же и создавала его. Барух Спиноза считает, что «правление у евреев можно назвать теократическим», ибо «его граждане не признавали никакого иного права, кроме полученного через откровение». (Tractatus Theologico-Politicus, 17, 32) Спиноза отмечает несколько периодов развития этого правления. Сначала «евреи обязались единодушно исполнять все указания Бога, без назначения никакого посредника», так как «они уступили взаимообразно сами себе свои права». (Там же, 17, 33) Это была своеобразная **демократическая теократия**, считает Спиноза. Затем, они передали все свои права вопрошать Бога Моисею. Моисей стал единственным посредником между Богом и еврейским народом. Народ даже не имел права назначить преемника Моисею. Потом сам Моисей **раздвоил** свои функции, передав первосвященство своему брату Аарону и его наследникам. (Именно в этом назначении царь Иоанн Грозный видел историческое начало «**братской симфонии**» между священной и государственной властями. Значит, первое в истории человечества отделение государства от священства имело форму «братской» симфонии между ними.) Таким образом, говорит Спиноза, были созданы две власти, **взаимообразно ограничивающиеся**. Религиозная власть толковала законы, но не по своей инициативе, как Моисей, а только в ответ на запросы власти

административной. В свою очередь, административная власть должна была править в соответствии с божественными законами и с этими толкованиями. (Там же, 17, 41).

Эта административная власть первоначально была раздроблена по племенам. Лев Тихомиров считает, что вначале она еще не была государственной, в полном смысле этого понятия, а только социальной: *«Избранному народу сначала было дано основание закона нравственного, состоящее в вере в Бога... (завет Авраама). Затем, через Моисея, в десяти заповедях, даны основы социального строя, и в законодательстве Моисея дополнены общественные уставы... Но, Моисей, не учреждая царства, предвидел его и заранее указал Израилю... два условия возникновения царской власти: нужно для этого, во-первых, чтобы сам народ сознал ее необходимость. Нужно, во-вторых, чтобы не народ избрал царя над собою, но предоставил это Господу. Сверх того, Моисей указывает еще руководство и для самого царя: "Когда сядет на престоле царства своего, должен исполнять все слова закона сего"».* (Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968. Стр. 127-129) Значит, такая монархическая власть не является абсолютной, но **ограниченной и правовой**, что обеспечивается симфонией двух властей: государственной и религиозной. Симфония обозначает не слияние и не простое разделение, а **разделение в симфонии**, сиречь совместное, братское созвучие (благосозвучие) двух институций, во имя общего блага.

Переходя к другому типу древних государств, который можно назвать типом маленьких государств, государств-городов (полисов), необходимо отметить, что несмотря на все существенные различия между этими маленькими по размеру «полисами» и колоссальными государствами Египта и Месопотамии, и те, и другие были государствами **религиозными**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Но характер этой религиозности был иным.

В афинском государстве Аристотель насчитывает до него одиннадцать конституционных реформ. После замены монархии архонтами в 683 году (третья реформа по счету), все режимы (аристократия, олигархия, демократия, тирания) чередовались друг за другом, но все они имели несомненный религиозный характер. Во время правления известного генерала (стратега) Перикла (460-429), которое на Западе любят называть демократическим (на самом деле оно было авторитарным бессменным правлением одного человека, ежегодно номинально переизбираемого), эта сугубая религиозность Афинского государства была великолепно зафиксирована. Построенный при Перикле Парфенон, с тех пор ставший символом древней афинской демократии, на самом деле был её **религиозным центром**, храмом, посвященным Афине, богине-покровительнице города. Афинская демократия относилась весьма строго к «преступникам против религии». Сократ, лучший из людей, по словам Платона, был казнен за подозрение в том, что он «растлевал религиозность» молодежи. Религиозность и сугубый традиционализм в области народных верований были всегда характерными признаками Афинского государства. В монархический период цари Афин являлись одновременно и верховными жертвоприносителями, но и после отмены монархии был сохранен титул царя (василевса), то есть лица, *«распоряжавшегося всеми факельными бегами и заведывавшего всеми традиционными жертвоприношениями»*, хотя уже без политических прерогатив. (Псевдо-Ксенофонт. Государство афинян, 57, 1)

Приблизительно такой же религиозный характер имело и Римское государство, с самого основания Рима. Этот характер был конституционно зафиксирован, когда Нума Помпилий (716-673) был выбран вторым царем Рима, ибо он «славился справедливостью и благочестием», хотя и был иностранцем (сабинянином). Прибыв в Рим, он решил «последовать примеру Ромула» и **получить религиозную санкцию на верховную власть в государстве**, *«повелев и о себе спросить богов»*. Тогда авгур, чье *«занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью»*, помолился, испрашивая «надежных знамений». Знаменья *«были ниспосланы, и Нума сошел с места гадания уже царем»*. (Тит Ливий. История от основания Рима, 1,18). Значит, до этого он еще не был царем, хотя и был уже выбран сенатом и народом. После замены царей консулами в 510 году, в Риме сохраняется, как и в Афинах, должность с титулом священного царя, rex sacrorum, чьей функцией является исполнение религиозных ритуалов, раньше совершавшихся царями. Сохраняется и прежняя конституционная фигура между-царя (interrex), выбираемого сенатом на десять дней во время междуцарствия, для рукоположения нового царя или (после 510 года) новых консулов.

Таким образом, очевидно, что все древние государства имели тот или иной **религиозный характер**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Однако дуализм государственных и религиозных учреждений в этих государствах имел разный характер. В Египте религия сливалась с государством, и в этом слиянии религия отчетливо превалировала над государством. В меньшей мере, и в несколько ином виде, приблизительно такое же положение было и в Месопотамии. В маленьких же государствах типа полиса, слияние религиозных и политических учреждений принимало форму **включения** религиозных учреждений и функций в государство. При

таком слиянии, государство превалировало над религией. В Израиле можно наблюдать **преодоление слияния религии и государства**. Это было достигнуто превращением первоначального религиозного превосходства в **симфонию между церковью и государством**, а не в превосходство государства. Симфония обозначала **неподчинение друг другу и церкви, и государства**. Дуализм оставался, но это был дуализм равноправного **сосуществования, без слияния**.

Верховная власть

*«Верховная власть есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало. Так как государство должно быть высшим союзом, осуществляющим условия существования не корпоративного, не сословного, не какого-либо другого, замкнутого в своих частных или групповых целях, но условия существования общечеловеческого, это государство немислимо без верховной власти, как реальной силы, которая по идее и по своим задачам стояла бы выше всех других. **Смысл верховной власти состоит в общем обязательном примирении**. Когда возникает государство – это означает, что возникает идея некоторой верховной власти, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы – то, что он внутренне сознает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни.»* (Л. А. Тихомиров. «Монархическая государственность». Буэной Айрес, 1968, стр. 31, 33, 45, 87).

Согласно Тихомирову, верховная власть (Souverain) отличается от других властей, то есть от властей управительных (Gouvernement), следующими признаками:

1. Она всегда основана на каком-либо одном принципе, она едина, сосредоточена и нераздельна, в то время как власть правительственная, напротив, всегда более или менее представляет сочетание различных принципов и основана на специализации – порождая так называемое разделение властей (там же, стр. 37). Этих принципов власти всего три: власть единоличная, власть влиятельного меньшинства и власть общая, всенародная. Власть верховная требует единого направляющего принципа, тогда как власть управительная не только допускает, но и требует самого разнообразного сочетания различных принципов власти, смотря по частным надобностям правления (стр. 59).

2. Всякая верховная власть идеократична (по выражению Блюнчли), то есть она находится единственно под властью своего идеала (стр. 68), в то время, как управительные власти являются техническими, специализированными, то есть функциональными властями, обуславливаемые обстоятельствами (стр. 34), в то время, как формы верховной власти обуславливаются нравственно-психологическим состоянием нации (стр. 67).

3. Верховная власть не может быть делегированной, в то время, как власти управительные по самой своей сути являются властями делегированными и передаточными, представительными. Попытки делегирования верховной власти ведут к ее фальсификации, и на деле являются фикцией, ведущей к узурпации этой верховной власти. В монархиях к этой узурпации стремится бюрократия, а в демократиях – партократия политиканов и за ними стоящих подпольных и закулисных корпораций. Во избежание этого, особое значение для верховной власти имеет **самоуправление**, которое чрезвычайно расширяет возможность прямого действия в правительственных учреждениях и освобождает силы верховной власти для прямого контроля и направления. Это относится ко всем формам верховной власти (стр. 59). Ввиду систематического игнорирования этих разделений между властью верховной и управительной, большинство определений верховной власти являются неполными и неточными, так как всякое полное определение требует указания ближайшего вида, к которому принадлежит определяемое, а затем и его отличительных признаков. Л. А. Тихомиров, в указанном труде, приводит следующее определение верховной власти из «Курса государственной науки» (часть 1, стр. 60) В. Н. Чичерина, которое он называет «прекрасной формулировкой»:

«Верховная власть – едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти». Она обладает «полновластием, как внутренним, так и внешним. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший суд, то ему бы принадлежала верховная власть. Она – верховный судья всякого права... Словом, это власть в юридической области, полная и безусловная... **Всякие её ограничения могут быть только нравственные, а не юридические**. Будучи юридически безграничною, верховная власть находит предел как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан». (Стр. 42).

Современные западные определения верховной власти (sovereignty по-английски, souverainite по-французски, soberania по-испански, от superanus по-латыни, Staatshoheit по-немецки), указывают на её превосходство над всеми, на её высший, превосходный характер как государственной власти. То есть, это власть находящаяся над всеми другими властями (от super по-латыни, Oberhererschaft,

буквально «надвластие», по-немецки). В частности, суверенитетом обладает федеральное государство, но не входящие в него штаты и провинции, так как первое стоит над вторыми. «Краткий политический словарь». (Политиздат, М. 1969) определяет верховную власть, под словом «суверенитет (верховная власть)», как «полную политическую независимость и самостоятельность государства в его внутренних делах и внешних отношениях... независимо от величины его территории, количества населения и общественного строя».

Это последнее определение говорит не о верховной власти, а о государстве, смешивая оба понятия. Такое смешение этих двух понятий (государства и его верховной власти) происходит весьма часто, так как некоторые важнейшие признаки верховной власти передаются ею и всему государству. Например, «полновластие, как внутреннее, так и внешнее», по формуле Чичерина. Но, совпадение некоторых существенных признаков этих двух понятий, еще отнюдь не доказывает их полной тождественности. Государство никак нельзя свести к одной верховной власти и к её свойствам, так как оно шире её, а также объемлет и другие элементы. Например, в случае советского государства, верховная власть в нем была основана, выражаясь словами Тихомирова, на «едином направляющем принципе власти определенного влиятельного меньшинства», каковым являлась коммунистическая партия, согласно конституциям этого государства (их было несколько). Эта верховная власть, по словам Блюнчипи, «идеократична», то есть «находится единственно под властью своего идеала», чего нельзя сказать про всё государство.

Государство

Выражение «государство» происходит от русского слова «государь», являющегося сокращением славянского слова «господарь». В этих словах содержатся два смысла: хозяина и верховной власти. Например, в современных чешском и словацком языках, «господарство» значит «экономика», «хозяйство». В Сербии и Молдавии господарь соответствовало греческому «деспотес», владыка, в смысле «владетельный князь», причем оба эти термина сосуществовали. «Деспотес» тоже связано с понятиями владеть, в смысле быть хозяином, и владеть, в смысле обладать самостоятельной властью. Деспотес образовано от «демс-потес», «домо-владыка» или «домо-хозяин». Греческое «потес» соответствует римскому «потестас». Этот же корень присутствует и в словах «гос-под-ин» и «гос-под-арь». Господин происходит от индоевропейского *hosti-pot-s*, буквально «властитель чужого» или «властитель гостей», по-немецки *Gastherr*, или *Heer des Fremden* (Немецкий этимологический словарь: *Duden, Herkunftswörterbuch der Deutschen Sprache*). Корень «гос» присутствует также в латинских словах *hospes, hostis*.

Другое славянское слово, обозначающее государство – держава (сохраняющееся в сербском и в других славянских языках), происходит от слов «держать» и «держивать», и связано не только с понятиями крепости, силы, прочности, но также и с хозяйскими понятиями – содержать, торговать, издержка, расход. Держава, в смысле «крепость», находится в смысловой связи с греческим «кратос», откуда происходит «автократия», то есть самостоятельная, суверенная, ни от кого независимая власть или владение, по-русски «самодержавие».

Греческое название государства «полис» связано с корнями *пал, пла, пле, пол, пло*, смысл которых: полнота, наполнять, полностью, быть полным, быть многочисленным, множество, в большом количестве, а также: выполнять, исполнить, насытить, удовлетворить и т. д. На санскрите «пуру» значит много, богато, а «пур», «пура» значит город, крепость («го-пура» - городские ворота). От этих корней в греческом языке происходят также: *плерес* (полное, укомплектованное), *плефос* (толпа, множество), *плутос* (богатство) и т. д. На связь этих корней с понятием полиса, по-видимому, намекает сам Платон во фразе: «Так как все нуждаются во **многих** вещах, мы собираем в одном селении **множество** людей... и этому сожителству мы даем имя **города**». (Полития, 369 с). В этой фразе корень «пол» встречается три раза.

В латинском языке с этими корнями связаны слова *plere, completus, repletus, plenus, plebes, plus, pluralitas, populus, amplitudinus, manipulus* и т. д. (наполнять, законченный, переполненный, плебс, плюс, множество, народ, амплитуда или широта, военное подразделение в 200 человек, буквально «полная рука»). От параллельного латинского корня *раг*, рог просходят не только *орипагус* (богато оснащенный, великолепный, пышный), *рагаге* (добывать, готовить), *portare* (нести, вести), но также и *импрегаге* (первоначально готовить, приправлять, обрабатывать, а затем и заказывать, приказывать, управлять, направлять). В свою очередь, от *импрегаге* просходят слова *империйум, император* (в древне-индийском *endoperator*), в некоторых итальянских диалектах *embratur*. Славянское слово «племя» тоже связано с корнем «пле» («племяться, множиться, размножаться, плодиться» В. Даль), как и слова «полк», «ополчение», по-немецки *Volk*, народ.

В современных западноевропейских языках, названия государства (State, Etat, Staat, Estado, Stato) происходят от латинского слова status (состояние, установление, положение, буквально: стояние). В греческом языке «статос» значит стоящий, стоячий. В римском праве, status обозначало юридическое положение или состояние личности. Такой первоначальный смысл этого слова иногда ведет к недоразумениям, при переводе с помощью производных от него выражений древних латинских и греческих терминов, обозначающих «государство». При этом также необходимо иметь в виду, что подобные недоразумения возникают и при применении как синоним государства таких выражений, как общество, община, нация, страна, а иногда и правительство. Корень слова status, обозначает стабильность, устойчивость, постоянство. От него происходят наше стоять, немецкое stehen, а также такие слова, как конституция, станция, статист, субстанция, статуя и т. д. Этот смысл сближает современные западноевропейские имена государства с древнегреческой идеей «стасии» (постоянства, устойчивости), понимаемой как суть государства. Некоторые ученые предполагают, что от сокращения глагола «стать, стати» произошли морфемы «ста» (в слове пожалуйста) и «ство», в слове государство. (Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989).

Согласно мнению некоторых ученых, современные названия государства имеют своим источником первую фразу известного произведения Никколо Макиавелли «Князь»: *«Все государства, все владения, которые имели и имеют власть над людьми, являются государствами и являются или республиками, или княжествами»*. («Tutti gli stati, tutti e dominii che hanno avuto e hanno imperio sopra li uomini, sono **stati** e sono o republiche o principati». Niccolò Machiavelli. «Il Principe»). Однако, уже Цицерон употребляет это слово как дополнение к старому римскому названию государства, когда он в «Законах» пишет: *«Так как ты писал о превосходном государстве (optimo rei publicae statu), то будет последовательно, если ты напишешь также и о законах»* (I, 15). Таким образом, Макиавелли не создает абсолютно нового выражения и даже не придает абсолютно новый смысл старому выражению, а лишь сокращает уже, по-видимому, существовавший оборот речи.

Римское название «республика», то есть общественное, публичное, общее дело или вещь, соответствовало не только греческому «полису» вообще (по-римски civitas), но, главным образом, одному из видов полиса, а именно «политии». Полития – это один из трех правильных видов государственных режимов, наряду с монархией и аристократией. Цицерон это выражение переводит как «республика». Аристотель утверждает, что извращением политии является демократия, также как извращениями монархии и аристократии являются тирания и олигархия. Однако, нужно иметь в виду, что Аристотель употребляет выражение «полития» и в третьем смысле, а именно в смысле строя или режима, того, что мы сегодня называем «конституцией». Платон определяет государство, как ответ на необходимость сотрудничества между людьми, для удовлетворения их растущих потребностей. Необходимость разделения труда лежит, по Платону, в истоках государства, которое *«рождается, по моему мнению, ввиду того обстоятельства, что никто из нас не удовлетворяет самого себя, но нуждается во многих вещах»* (Платон. Полития, 369 в). Лишь государство создает возможность такого разделения труда. Однако, Аристотель утверждает, что государство не образовалось с целью удовлетворения нужд, а с целью достижения «добра» («то калон», Политика, 1291 а): *«Государство, возникнув из естественных потребностей, становится учреждением для совершенной жизни... Государство есть сообщество родовых групп и поселений для совершенной и самодостаточной жизни»*. (Политика, 1280 а). *«Целью политического общества являются хорошие дела, а не сожитительство»*. (там же, 1281 а). Государство отличается от других обществ тем, что оно обладает юридической структурой, строем, конституцией: «политией». *«Полития - это организация властей («тас архас», т. е. буквально «начальств») в городах, как они распределяются, какой элемент является верховным и какая цель у общества в каждом случае»* (там же, 1289 а). Таким образом, государство немисливо без властей и без верховной власти (то кирион). Политический строй (то есть «полития») основывается на законах. Законы нравственные, этические (ката то этос) важнее законов писанных (ката грамата номой). Нравственные законы являются существенной общественной силой, которая образуется в течение «длительного времени».

Для Цицерона *«государство является собственностью народа; но народ не является любым союзом людей, объединенных любым образом, а многочисленным союзом людей, сгруппированных на основании принятого общего права и общности интересов»*. (De re publica, I, 25). В свою очередь, *«истинный закон – это правильный разум в гармонии с природой, распространенный среди всех существ, неизменный и вечный, который, повелевая, зовет нас исполнить наш долг, и, запрещая, удаляет нас от несправедливости»* (там же, III, 22). Как и Аристотель, Цицерон считает, что целью государства является счастье людей: *«Нельзя хорошо жить нигде, кроме как в хорошем государстве и нет большего счастья, чем хорошо учрежденное государство»* (V, 5). В следующем абзаце Цицерон определяет счастье, которое должно быть обеспечено государством: *«Водитель*

государства имеет задачей добиться счастья граждан, то есть, чтобы оно было уверено в своих ресурсах, богато в материальных благах, велико в славе и почитаемо за свою добродетель». Этот диапазон материальных и нематериальных благ дополняется и уточняется Цицероном: «*Две самые важные вещи для пребывания государства: **религия и милосердие***» (I,14).

В древнем греко-римском мире, в котором зародились демократия и республика, определения государства были тесно связаны с понятием справедливости. Считалось, что государство – это наилучшая организация для достижения наилучшей справедливости. Только софисты считали, что государство не основывается на справедливости, а «на интересах самых сильных», предвосхищая этим частично некоторые аспекты теории Макиавелли и теории общественного контракта Руссо. Можно сказать, что софисты были предтечами современных идеологов. Государство зародилось в процессе консолидации оседлого образа жизни, как **предохранительная оболочка** для обеспечения:

1. Сохранения своего быта и своих религиозных, мировоззренческих и нравственных ценностей.
2. Совместной обороны всех сожителей и занимаемой ими территории от внешних врагов, без подчинения одних частей народа другим частям, но со всеобщим военным подчинением всего народа одной высшей абстрагированной власти, не зависящей от внутриобщественных комбинаций, специально для этого учрежденной (Ортега-и-Гассет);
3. Собственности на обрабатываемую землю и на вскармливаемый скот;
4. Постоянного справедливого судебного арбитража в частных тяжбах, в тех случаях, когда нельзя достигнуть прямого сговора между сторонами, из-за спорности претензий, в том числе и для обеспечения права на собственность. (R. von Ihering).

Такая всеобщая гарантия личных прав на самосохранение является правом, связывающим всех одинаково, то есть союзом. Союз – это «со-узы», от корня «ю» (на санскрите – связывать), откуда и происходит римское jus, право. Поэтому, функцией государства не является вмешательство в личную жизнь и в личный труд граждан, а, наоборот, обеспечение их осуществления.

Лев Тихомиров определяет государство как «*союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью*», так как «*в государстве мы осуществляем условия существования не корпоративного, не сословного, не какого-либо другого, замкнутого в своих частных или групповых целях, но условия существования общечеловеческого*». Согласно Тихомирову, идея государства, или «политическая аксиома», состоит в том, что «*в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы*». Согласно А. Хомякову, «свобода» - это «свой быт». Поэтому, государство – это **высшее орудие для сохранения своего быта**. Если же люди не находят всего этого в государстве, ибо оно действует в направлении прямо противоположном своей собственной сути, как это бывало в некоторых древних восточных варварских государствах или как это было и бывает в некоторых современных государствах, мы имеем дело не с настоящими государствами, а с уродливыми формами искажения и вырождения государства или, точнее, с антигосударствами или лжегосударствами.

Гражданское общество

Гражданское общество – это «*совокупность организмов, называемых частными, которые соответствуют функциям гегемонии над всем обществом*», утверждает Антонио Грамши, идеолог современного модернизма и первый генсек итальянской компартии. Это совокупность организмов, создающих, творящих общие мышления и чувства в народе, для достижения интеллектуальной гегемонии в обществе, а затем и **для закабаления государственной власти**.

Политическое общество, согласно Грамши, это совокупность организмов, которые занимаются прямыми принудительными функциями в обществе, с помощью юридических, политических и военных аппаратов власти, в согласии с ориентацией, исходящей от гражданского общества.

Оба этих общества составляют совместно **надстройку**. В нормальных условиях они солидарны, говорит Грамши. Кризис наступает тогда, когда между ними происходит раскол, когда политическая власть и интеллектуальная гегемония начинают противостоять друг другу. Из этого следует важное заключение: **для захвата власти нет необходимости менять экономический базис, а необходимо захватить и изменить ту часть надстройки, которая соответствует гражданскому обществу, создающему общественное мнение** во всем обществе. Таким образом, Грамши объясняет, почему первая социалистическая революция произошла в России, в которой она, по Марксу, никак не могла произойти, из-за отсутствующих в ней соответствующих экономических условий. Грамши поправляет Маркса: реализация революций зависит не от экономических базисных условий, а от **инфильтрации и захвата той части надстройки, которая занимается созданием общественного мнения**.

Такая революция совершается не рабочими, и не стихийно действующими массами (которым Грамши не доверяет), а **беспочвенными интеллигентами**, органически организованными вокруг

«идей и мнений», которые, в свою очередь, **«не зарождаются спонтанно, а исходят из центра, где они формируются, откуда они излучаются, распространяются и внушаются»**. Эти интеллигенты должны осуществлять **«молекулярную агрессию»**, для того чтобы постепенно, шаг за шагом, проникать в религиозные, философские, научные, артистические и вообще культурные «крепости». Нет необходимости брать приступом Зимние дворцы, а нужно брать «казематы культуры». Россия во времена Ленина, утверждает Грамши, имела «желеобразное общество», а посему тогда и было необходимо действовать по-ленински.

Грамши учит, что сперва необходимо **разрушить в обществе предыдущее мировоззрение**, а затем внедрять новое сознание имманентизма, т. е. отрицание любой трансцендентности, любой ценности выходящей за рамки самого человека и его материальных интересов. Только лишь развитие имманентизма до конца сможет обеспечить создание **«нового порядка»**. Для этого интеллигенты, действующие молекулярно, должны **подтачивать и разрушать предыдущие мировоззрения**, и бороться за устранение основных принципов, составляющих мыслительную структуру общества. Проникая ко всем рычагам культуры и общественного мнения, они должны добиваться слома и сноса этих принципов и устранения всех тех, кто их будет защищать. Для этого, учит Грамши, **«необходимо лишить их всякого духовного престижа путем постоянной разъедающей критики. Эта критика должна сеять сомнения, скептицизм, лишать их морального престижа, она должна уничтожить их верования и их учреждения...»**.

Гражданское общество в современном мире комплектуется многочисленными разнообразными неправительственными организациями и фондами, которые иногда занимаются разными общественными и политическими манипуляциями, но не по заказу собственных обществ и их правительств, а по заказу посторонних корпораций и правительств. В последние десятилетия даже стади создаваться частные военные организации, из бывших военных, поставляющих военных наемников для разных «цветных революций» и для «построений новых государств». В процессах подготовки цветных революций и переворотов в современном историческом периоде, после французской революции, часто принимали то или иное участие разные неправительственные организации, наряду с политическими партиями и средствами массовой информации. Все эти современные общественные факторы, абсолютно немыслимые в древней Афинской демократии, а тем паче в древней Римской республике, образуют то «гражданское общество» в подпольях современных государств, которое превозносит Грамши. Известный сербский историк и политолог Сергей Трифкович высказал мнение в октябре 2016 года, что в современных ведущих государствах Запада за (или под) «гражданским обществом» находятся структуры т. н. **«глубокой державы»** («*дубоке државе*») или **«постоянного государства»** («*перманентне државе*»), в основном покоящиеся на трёх сложных комплексах базисной коррупции: финансово-банковском, военно-промышленном и электронно-промышленном. Возможно, что аксиополитику этих комплексов курируют некоторые секты, из еще более глубокого подполья. При подобных структурах, формальная политическая власть лишь «разносит блюда», к изготовлению которых она имеет мало отношения, а все декламации о демократии являются главным образом пропагандой и дымовой завесой этих «корруптократий».

Демократия

Первоначально, один из политических режимов в Древних Афинах, заключавшийся в подразделении государственной территории на избирательные округа, которым давалась исключительная **монополия на выдвижение кандидатов в правители**, каковых затем назначали путем жребия из числа этих кандидатов. Такой политический режим был полностью установлен пятой конституционной реформой афинского Полиса, произведенной архонтом Клисфеном в 508 году до Р. Х. (Почти одновременно со сменой царской власти на консульскую в Риме).

Эта демократическая реформа Афинского полиса в основном заключалась в его разделении на 100 избирательных округов, тогда названных **«демосами»**. Этимологически «демос» значит **подразделение, часть: «Демос, территориальное подразделение и народ этого подразделения, от корня δη, δαιομαι, разделяю»**. (Итальянский этимологический словарь древнегреческого языка: *Vocabolario Greco antico*. Renato Romizi, Bologna 2001). С помощью корня «де» (δη) образованы многие слова разных индоевропейских языков, как например: делить, deal, Theil.

Согласно этой реформе, в каждом демосе, его граждане, окончившие среднюю школу и отбывшие двухлетний срок военной службы, выбирали путём жребия из своего состава по одному кандидату в архонты, из граждан, принадлежавших, по своим доходам, к первому классу граждан. Из всех 100 кандидатов от всех 100 демосов затем назначалось путём жребия 10 архонтов, сроком на один год. Через год, отбывшие свой срок архонты входили пожизненно в Ареопаг, поначалу бывший

своего рода Сенатом Афин. (Затем Ареопаг был деградирован демократическим режимом в уголовный суд для особенно тяжких преступлений). Никто не мог быть архонтом во второй раз, прежде чем все граждане первого класса не побывали на этом посту. В каждый демос входили совместно богатые и бедные, знатные и незнатные граждане, жившие **по соседству**, числом от 100 до 500 граждан (всех жителей в каждом демосе было приблизительно в десять раз больше). Десять демосов образовывали одну филу, а от каждой филы входило в Совет Афинского полиса по 50 граждан, каковой посему стал называться «Советом пятисот», вместо предыдущего «Совета четырёхсот», когда от каждой из четырёх первоначальных афинских фил в Совет входило по 100 представителей. Благодаря этим реформам Клисфена от 508 года, конституция (полития) Афинского полиса обрела свою основную структуру и свое идеологическое и терминологическое определение: демократический строй, то есть общинный строй, в котором первичное выдвижение кандидатов, путём жребия, на государственные должности происходило в демосах (в общинах, приходях или избирательных округах). В Новгороде эти демосы назывались «улицами», а филы – концами. В Риме демосы назывались «куриями» (от «ко-вир-ия», собрание мужей-воинов), а филы – трибами.

Сегодня, древнее греческое слово «демократия» переводят, как «власть народа», переводя, в свою очередь, «демос», как «народ». Этимологически слово демос (δημος) происходит от глагола делить, разделять (δι, δαμομαι, δαιεσται) и, по своему первоначальному смыслу, обозначает не только «народ», а также «часть», «округ», «общину», «коммуну», «приход», «поселение» (в испанском языке слово pueblo тоже обозначает одновременно «народ» и «поселение» или «населённый пункт»). Корень этого слова индоевропейский и сохраняется в русских словах: делить, доля, отдел, раздел, удел; в немецких словах Teil, teilen; в английском слове deal. Для точного определения этого выражения необходимо иметь в виду, что в Древней Греции было несколько разных названий для разных аспектов и оттенков того, что мы сегодня называем «народом». Кроме выражения демос, были в широком употреблении слова: этнос (нация, народ), лаос (люди), полис (политическая община), плефос (толпа, множество, плебеи), охлос (толпа, чернь).

Все эти слова имеют этимологически разные корни, но воспринимались они, более или менее, как синонимы. Особенно близкими по смыслу были слова демос, плефос и охлос. Однако, между этими выражениями имелись и несомненные смысловые различия. Сегодня невозможно уловить все нюансы первоначального значения этих слов, особенно после их многовекового употребления в совершенно разных исторических обстоятельствах и после многих злоупотреблений ими. Всё же очевидно, что понятие «этнос» шире и полнее «демоса». Этимологически слово «этнос» связано с «нацией» и с «народом». Выражение «демос» (в византийско-русском произношении «димос») в древности стояло ближе к «полису», чем к «этносу». Так, например, «димархос» и «полиархос» (или «политархес») являются почти равнозначущими титулами. Но всё же «полиархос» – это префект, или «градоначальник» всего города, или всего государства, в то время как «димархос» это лишь начальник или глава одного из «демосов» («димов», районов) Афин, а в эллинистическом Египте губернатор одной из областей. Словом «димархос» переводился римский титул «трибунус плебис», трибун плебса (но не всего народа, «популуса»).

Понятие «демос» по смыслу стоит близко к понятиям «охлос» и «плефос» (в западном произношении «фиты» это слово звучит как «плетос»), которые можно перевести одинаково как «масса, толпа, множество, чернь». Так, например, в 4-ом фрагменте потерянного начала «Конституции Афин» Аристотеля, оба выражения «охлос» и «демос» употребляются как равнозначущие в одной и той же фразе: *«(Что Тесей) был первым, кто склонился к охлосу, как говорит Аристотель, и упразднил монархию, по-видимому, свидетельствует также и Гомер (В 547), который в перечне кораблей называет демосом только лишь афинян»*. Связь между «демосом» и «плефосом» еще ближе. В песне архонта Солона (автора третьей конституции Афин и до некоторой степени предшественника афинской демократии), во втором стихе, слова «плефос» и «демос» тоже употребляются как равнозначущие: *«И снова, говоря о толпе (плефосе), и как с ней нужно обращаться: так демос будет лучше следовать за своими начальниками, ни слишком вольно, ни насильно»*. Перечисляя одиннадцать политических конституционных реформ в Афинах, Аристотель говорит, что после реформы (третьей по счету) Солона (594 г.), наступила тирания Писистрата, а за ней *«конституция Клисфена, после падения тирании, более демократическая, чем Солона»*. (Конституция Афин, 41,2). Так вот, эта «более демократическая» реформа Клисфена (508) началась с того, что *«Клисфен привлек к себе демос, передав правление толпе ("то плефи")»*. (Там же, 20, 1).

Когда Клисфен разделил государство на сто «димов» или «демосов», во главе каждого «демоса» стоял «димархос». Если же словом «димархос» переводился римский титул «трибунус плебис», то, наверное, потому, что латинское «плебс» этимологически весьма близко греческому «плефос», а это

последнее является синонимом «демоса». Плебеи Рима были лишь одной частью римского народа (популуса), также как афинский демос был всего лишь частью афинского полиса. Тит Ливий четко различает между плебсом и народом, когда упрекает магистратов плебса, указывая им, что они – магистраты только лишь плебса, а не всего народа («Non populi sed plebis magistratus»). «Популус» – это всё население, «*весь контингент жителей мужчин без различия классов... совокупность граждан организованных для войны... все граждане вместе, лицом к опасности. От существительного “популус” образовалось прилагательное “публикус”; публично то, что относится к популусу*». (Ортега-и-Гассет. Одна интерпретация всемирной истории. Мадрид 1960. Стр. 166).

Другими словами, понятие «народ», несомненно, шире и полнее понятия «демос». Посему и «народный строй» – это такой строй, в котором органически, так или иначе, принимает участие весь народ, а не только то или иное «большинство» народа. К народному строю ближе всего подходит определение «политии», данное Аристотелем как строя, в котором конституционно сочетается политическая воля большинства с политической волей меньшинства. В демократическом же строе власть принадлежит большинству, которое, хотя и формально обязано уважать гражданские права меньшинства, отнюдь не обязано делиться с ним властью.

Демократия – это один из шести теоретических форм государственных режимов, согласно известной классификации Аристотеля, ставшей классической («неизбежной», согласно Тихомирову). Три из них Аристотель называет «**правильными**» («орфас») и три «**искаженными**» («пареквасис»). У Аристотеля демократия определяется, как искажение политии (республики). Демократия стоит на четвертом месте в списке Аристотеля из шести форм государственных режимов. Она является наименее плохой формой власти, из трех неправильных или искаженных видов власти. Аристотель перечисляет неоднократно эти формы в своей «Политике». Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации гласит следующим образом: «*В первом исследовании различных государственных форм, мы различаем три правильных строя (“орфас политияс”): монархия, аристократия, полития (“василиан, аристократиан, политиан”), и три отклонения (“пареквасис”) от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии, и демократия от политии (“тираннида мен василиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политиас”)*. (Политика, 1289 а, 25).

«Василиан» буквально значит «царство». Аристотель во многих местах употребляет это слово как полный синоним монархии, а иногда и заменяет одно другим. Учитывая это, можно сказать, что из этих шести первоначальных терминов сегодня продолжают употребляться во всех языках пять терминов. Однако, эти сохранившиеся до наших дней греческие термины обозначают не конкретные политические институты, а теоретические обобщения, абстракции. В этой классификации Аристотеля сегодня заменено лишь выражение «полития». Еще Цицерон стал переводить это слово как республика. Однако, за последние два века, начиная с искаженных французских переводов Аристотеля, в современной публицистике все чаще стали подменять слово «полития» (являющееся названием третьей правильной государственной формы) словом «демократия», каковое у Аристотеля обозначает как раз отклонение от политии, то есть наименее плохую из трех искаженных форм правления, четвертую из шести форм, в порядке их качественности.

Аристотель также неоднократно отмечает некоторое сходство демократии с тиранией. Например: «*Все тиранические процедуры кажутся тоже демократическими*» (Политика, 1319 в). Однако, это не значит, что Аристотель демократию приравнивает к тирании, или что он её считает наихудшим режимом, как и тиранию. По своей целенаправленности, все три правильных режима («орфас политияс»), т. е. монархия, аристократия и полития, являются народными, так как по своему определению, сформулированному Аристотелем в «Политике», отличаются тем, что **служат всему народу**, в то время, как три искаженных («пареквасис») режима (тирания, олигархия и демократия) служат, главным образом, благу самих носителей власти. Кроме того, народный строй основывается на публичности всей власти, как реальной, так и декоративной, в то время, как в демократических режимах очень сильны эзотерические и мистериальные элементы реальной власти, стоящей за кулисами декоративной власти. Публичность и народность – этимологически одного происхождения. Народный строй должен быть правовым, то есть авторитарным строем, в котором правовой порядок беспристрастен, анонимен и не зависит от политических и секториальных факторов.

Ввиду того, что в современных государствах невозможно осуществить основного принципа древнегреческой демократии (личный контакт между всеми гражданами и прямое участие всех граждан в управлении и в правосудии), уже в наше время были придуманы три существенные реформы, с помощью которых удалось создать впечатление, якобы удачного преодоления этой невозможности. Эти три реформы были: представительная система, периодичность этого представительства и разделение государственной власти. Греческая демократия не знала представительной системы. Демос вершил законодательство и правосудие прямым путем. Иногда по

очереди, иногда по жребью, но всегда прямо. Сама идея так называемых «народных представителей» никак не вмещалась в понятие демократии на родине демократии, в Афинах. Управительные функции, конечно, исполнялись отдельными лицами, но эти лица не были «представителями», а всего лишь «приказчиками», «эксекуторами», или «временно исполняющими поручения». Считалось, что такими «приказчиками» могут и должны быть все граждане, по очереди. За исключением специфически военных должностей, на все другие должности афинская демократия назначала граждан путем **жребия на бобах**, именно потому, что дело шло не о «выборе представителей», а о прямом исполнении правления, по очереди, указанной наугад. Причем, демос мог в любой момент вмешаться в исполнение любой должности, чего как раз не допускает представительная система.

Сущность демократии, так, как она понималась в Афинах, то есть в том городе, где она зародилась, уточнена двумя авторами древности. Эти уточнения сегодня могут вызвать некоторое удивление. Псевдо-Ксенофонт, в «Республике афинян» (по-видимому, написанной около 430 года до Р. Х.) утверждает: *«И во всех странах лучшая часть противостоит демократии, ибо между лучшими имеется минимум индисциплины и зла и максимум правоты для добродетели»* (1, 5). *«Кто, не принадлежа к демосу, предпочел жить в демократическом полисе, тот готовится к преступлениям, и знает, что плохой менее заметен в демократическом полисе»* (2, 20). *«Действительно, ни в каком городе лучшая часть не расположена к демократии, но во всех городах к демократии расположена худшая часть, потому что каждый является другом себе равных»* (3, 10).

Нельзя забывать, что, согласно древним источникам, афинской демократии были присущи некоторые специфические особенности, не только не совпадающие с отличительными признаками современных демократий, но и прямо немыслимые в них. Их можно вкратце резюмировать следующим образом:

1. Религиозность и вообще сугубый традиционализм в области народных верований. Даже был сохранен титул царя (василевса), лица *«распорядившегося всеми факельными бегами и заведывавшего всеми традиционными жертвоприношениями»*. (Псевдо-Ксенофонт. «Республика афинян», 57, 1).

2. Крайняя строгость (и даже жестокость) по отношению к уголовным преступникам. Воров сбрасывали со скалы в море, для того, чтобы их даже нельзя было хоронить. Эта строгость простиралась также и на «преступников против религии». Сократ, «лучший из людей», по словам Платона, был казнен афинской демократией за одно подозрение в том, что он «растлевал религиозность» молодежи.

3. Непосредственность всех назначений на государственные должности. Аристотель особенно подчеркивает, что для того, чтобы *«судить и распределять должности по заслугам, граждане обязательно должны знать друг друга»* (1326 в).

4. Пропорциональность в соучастии во власти по территориальному (земскому) признаку, а не партийному. Город был разделен на десять фил (соответствующих новгородским концам и римским трибам). От каждой филы назначалось по жребью одинаковое число должностных лиц в полис.

5. Применение жребия для назначения на должности, как реальной гарантии для осуществления демократии, понимаемой как **право на равноправное** и прямое (без представителей) **участие во власти всех граждан**. Это право зиждилось на социальном строе Афин, установленном в результате персидских войн, который Псевдо-Ксенофонт называет «таласократией», то есть «морской властью» (практически «властью гребцов»): *«Там лучше беднякам и демосу, чем благородным и богатым, так как народ двигает судами и сообщает силу городу более, чем воины, благородные и лучшие»* (Республика афинян. 1, 1).

6. Громоздкость государственного аппарата, для того, чтобы дать наибольшему числу лиц участие в нем. Кроме того, платное исполнение судебных должностей большим количеством бедных граждан, давало им некоторый постоянный доход.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что Афинский полис (в смысле государства) был полностью равнозначен афинской демократии только лишь в течение сравнительно короткого времени. (Некоторые авторы считают, что всего лишь в течение каких-нибудь 40 лет). В Афинах, после замены монархии архонтами (683) все режимы (аристократия, олигархия, тирания, демократия) чередовались друг за другом по несколько раз, хотя в них и присутствовали учреждения, которые сегодня принято считать типичными учреждениями афинской демократии. Даже прославляемое правление известного генерала (стратега) Перикла (460 - 429), которое на Западе любят называть демократическим, на самом деле было авторитарным правлением одного (первого) человека, лишь номинально выбираемого ежегодно. (В афинской демократии генералов выбирали, только из военного сословия, так как боялись назначать их демократически, по жребью). После смерти Перикла, начинается упадок Афин, который и приведет через 90 лет к окончательной потере политической самостоятельности Афинского полиса. В 338 году Афины становятся частью

македонской монархии, под скипетром сначала Филиппа, а затем его сына Александра Македонского. Приблизительно через два века, Афины войдут в состав Римского государства, в котором и пребудут полтора тысячелетия, вплоть до нашествия турок.

Деспот

В Древней Греции – хозяин, от «демс-потес», буквально «домовладелец», «домохозяин». В переводе на русский язык, через церковно-славянский: **владыка**. В Православной Церкви – один из титулов епископов («исполла эти деспота» = «многая лета владыке»). В современной Греции так и сегодня обращаются к епископам. В конце Средних веков, «деспот» был также титулом правителей автономных областей Византийской Империи, особенно у южных славяни и румын. Частично соответствует итальянскому титулу архиереев и некоторых ватиканских сановников *monsignore* и французскому титулу наследников престола *monseigneur*, что значит «мой господин». (У греческого слова «потес» и русского слова «господин» – общий корень). В современной Западной цивилизации часто толкуется неправильно, в смысле «тиран», откуда и произошло выражение «деспотизм».

Диктатура

Конституционная чрезвычайная должность в Римской Республике, на время чрезвычайного положения, ограниченная сроком в шесть месяцев. Первоначальное значение древнего латинского слова «**диктатор**» в основном соответствует смыслу русского слова «**повелитель**». Эти слова происходят от глаголов «dicere» и «velere», совмещающих смысл понятий «**говорить**», «**предписывать**» («**диктовать**») со смыслом понятий «**хотеть**», «**желать**», «**высказывать свою волю**». Слово диктатор также соответствует частично и английскому слову «**спикер**». По-видимому, латинские племена в Италии, еще до основания Рима, «диктатором» называли своих **народных вождей**. Именно в таком смысле трактуется этот титул в Римской Республике: *magister populi*.

По своему смыслу, титул «диктатора» (повелителя) довольно схож с титулом «императора», вплоть до того, что оба эти титула можно считать до некоторой степени синонимами. На это указывает даже современная подмена корней этих слов в грамматике: русское название «**повелительное**» склонение, по-латыни и по-испански обозначается словами «**модус императивус**», «**модо императиво**». Однако, можно предполагать, на основании ряда данных, что, в своих истоках, титул «диктатора» обозначал функции более заурядные и законные, более «нормальные», чем первоначальные функции «императора». Во всяком случае, титул «диктатора» всегда давался законной властью, и не мог себе присваиваться самим его носителем. То есть, диктатор не мог быть самозванцем, а самозванец не мог быть диктатором. В свою очередь, титул «императора» (от латинского глагола *imparare*, первоначально имевшего смысл «подготавливать», а затем «властвовать», «господствовать», «командовать»), согласно Ортеге-и-Гассету, был временным, «мерцающим» титулом «подготовителя» (организатора) победы, «**победоносца**», выдвигаемого стихийно самой обстановкой.

После учреждения Римской республики в 753 году до Р. Х., затем в течение двух с половиной веков возглавлявшейся семью царями, титулы «диктатора» и «императора» **не употреблялись**, в течение всего этого периода. Вся власть принадлежала царю (рексу) или его помощнику и заместителю – «префекту всадников» (*praefectus equites*), каковые, однако, должны были считаться с мнениями Сената (первоначально – Совета **родовых старейшин**) и коллегии авгуров, а в вопросах помилования и с мнением всего народа. После замены в 510 году до Р. Х. одного пожизненно выбираемого царя (буквально «управляющего», *rex*, от глагола *regere*, направлять, управлять) двумя «верховными предводителями» (буквально «верховными пред-идущими», *praetor maximus*), затем называемых «консулами» (согласно некоторым предположениям, с первоначальным смыслом: «вместе танцующие»), выбираемых на один год, оба эти титула «диктатор» и «император» снова всплывают, но получают юридически четкие **новые функции** в Римской республике.

Титул императора присуждался всем **победоносным командующим** генералам, после разрешенного им Сенатом торжественного «триумфа», то есть «**парада победы**», в Риме. Таким образом, титул «императора» имеет почетный характер, но не определяет никакой государственной функции, хотя и свидетельствует о **победоносном командовании**. Лишь со времён Августа, этот титул автоматически принадлежит всем возглавителям Римского государства, наряду с рядом других титулов. Кроме того, Август присваивает себе этот титул также и как личное имя, так что он его употребляет дважды (как имя и как титул), в полном перечне своих имён и званий.

Иначе обстоит дело с титулом «диктатора». Этот титул становится важным **республиканским титулом** в Римской республике, со строго определёнными функциями. Римские государственные деятели не занимались политической теорией, ибо это не было в их духе. Они были незаурядными и

весьма **творческими** политическими практическими деятелями. Они, конечно, понимали, что наличие одновременно двух верховных предводителей в римском государстве (как и в Спарте) может иметь, наряду с некоторыми преимуществами, также и некоторые недостатки. Причём, в особенно тяжелых ситуациях, недостатки чреватые весьма опасными последствиями. Именно для таких тяжелых моментов в жизни Римской республики и была предусмотрена **чрезвычайная должность «диктаторов»**, сиречь **временных единоличных «повелителей»** в республике. Таким образом, когда два ежегодно выбираемых консула получили верховное командование (*imperium*), а царь превратился в «священного царя» (буквально в «управляющего священнодействиями», *rex sacrorum*), сохраняя лишь свои религиозные прерогативы, в Римской Республике была одновременно учреждена **новая должность**, но со старым именем **диктатора**, существовавшего и прежде, еще до основания республики. В моменты чрезвычайной опасности, один из консулов мог самовольно и единолично назначить любого сенатора, который до этого был консулом, **«вождём народа»** (*magister populi*), также называемого «диктатором» (*dictator*), на время ограниченное сроком назначающего консула, но никогда не более, чем на шесть месяцев. Во время такого публично объявленного **чрезвычайного положения**, все остальные магистраты (сановники) республики должны были подчиняться **единоличной власти диктатора республики**, в том числе и сам его назначивший консул. По истечении такого чрезвычайного диктаторского срока, в республике автоматически восстанавливалась власть консулов.

Идеология

Искусственная система идей-домыслов, выработанная для подмены народных верований и традиционных исторических мировоззрений, с их системами ценностей. Функциональной целью идеологий является стать моделью (парадигмой) для построения новых политических структур, взамен предыдущих, при свержении предыдущей власти и её замены властью революционной.

Выражение «идеология» имеет общий корень с целым рядом других слов, например: «идейность», «идеал», «идеализм». Все эти слова происходят от греческого слова «идея» (*ιδέα*), существовавшего уже до Платона, но именно в его учении получившего большое значение. Слово **«идея»** находится в связи с греческим глаголом **«идеин»** (видеть, познавать, знать), латинским **videre** (видеть), готским **witan** (смотреть, наблюдать), русским **видеть, вид, видение**, немецкими **wissen** (знать) и **Weisheit** (мудрость), и т. д. Оно имеет общий корень и со словами **ведать, вежды, вежливый, невежда, идиллия, идол** (изображение) и даже **история** (от "вид - тор", буквально "свидетель", то есть "видевший или видящий, знающий"). Первоначальным смыслом слова «идея» было: «то, что видно», **«виденное»**, а отсюда и **«представление», «сведение», «ведение»**. Таким образом, дабы **знать**, надо предварительно **видеть**. В свою очередь, такое, основанное на опыте, **знание** (как **теория** на эксперименте, причем «теория» буквально значит «созерцание»), дает возможность иметь **представление** о действительности, каковое на самом деле является **обобщением** имеющейся информации, то есть **«ведущей (руководящей) мыслью»**, *Leitgedanke*, по-немецки. И, наконец, такое представление и такое обобщение дают возможность сформулировать соответствующий генеральный план, **общую программу на будущее**, исходя из всего имеющегося до сих пор. Платон считает, что такой план **предшествует** тому, что мы потом «видим». Все эти понятия входят в широкую смысловую гамму выражения «идея».

Смысловые оттенки этого выражения находятся и в философском его употреблении Платоном. Чаще всего слово «идея» у Платона обозначает совершенный **прообраз** (модель, образец) вещей, причем этот общий прообраз трансцендентен, то есть находится **вне** или **над** его частными конкретными воплощениями. Пользуясь выше отмеченными словообразованиями из этого корня, можно сказать, что «идея» Платона является одновременно нашим видением сущности, смысла и значения вещей, самой этой сущностью, а также и предварительной и нематериальной программой, планом этих вещей. Например, идея стола предшествует производству того или иного отдельного стола, являясь как бы его предварительным планом и **прообразом**, но в то же время она является и его **сущностью**. Платон считает, что такие прообразы или идеи обладают подлинным бытием, в то время как их материальные воплощения являются только их тенями, которые обладают лишь второстепенным (или кажущимся) бытием.

Идеология это не учение об идеях, наподобие того, как зоология является учением о животных или этимология учением о происхождении и значении слов. Идеология это **система идей**, но не любых идей, а **идей общественных**, главным образом политических и экономических. Есть два вида общественных идей: **1. Идеи - верования** (по-испански: *ideas creencias*); **2. Идеи - домыслы** (выдумки, по-испански: *ideas ocurrencias*). Разница между этими двумя видами идей была

досконально исследована испанским философом Хозе Ортега-и-Гассет. Ортега предлагает их называть просто **идеями и верованиями** (ideas y creencias).

Идеологические системы, **игнорирующие верования** (религиозные и мировоззренческие), приобретают **тоталитарный характер**, в силу необходимости возводить сложные, натянутые и монополюбно закрытые построения из домыслов и натяжек, вместо вытесняемых народных верований и народного мироощущения. Такие тоталитарные системы не в состоянии органически эволюционировать, а посему они подвергаются от времени до времени **механическим перестройкам**, дабы как-то реагировать на нарастающие расхождения с действительностью.

Существуют предположения, что практически все современные идеологии возникли из одного общего источника, в процессе приготовления и осуществления французской революции. Практически все современные идеологии можно сгруппировать в две основные группы: либерализм и социализм.

Конституция

Основной закон государства, регулирующий соотношения между его элементами: властью, территорией, народом и его ценностями (верованиями). Конституции бывают писанные и неписанные.

В своих истоках, политическая теория главным образом ориентировалась в поисках абсолютного государственного идеала, в поисках «наилучшего государства», «аристе полития» (republica optima, у Цицерона). Эти поиски достигли своей вершины в трудах Платона. Аристотель вначале тоже следовал по стопам своего учителя, пытаясь найти в теории абсолютный идеал, которого нельзя обнаружить в действительности. Этот идеал описывается им в последних двух книгах «Политики» (7-ой и 8-ой). Но в предыдущих (согласно современной классификации) трех книгах (4-ой, 5-ой и 6-ой), по-видимому, написанных позже, Аристотель подробно разбирает разнообразные варианты реальных политических форм, их комбинаций и преобразований, на основании собранных им отдельно 158 конституций древнего мира, к сожалению, потом утерянных. Таким образом, вместо абстрактного политического идеала, предметом политической науки становится множество конкретных государственных форм, их комбинаций и мутаций. Сама по себе, такая множественность является характерным признаком человеческих государств, в отличие от однообразных высших организационных форм у животных. Очевидно, что такая множественность осуществляется путем мутаций элементов государства и их разных комбинаций.

История, являющаяся экспериментальным полем политики, показывает, что эти мутации или преобразования государств зависят больше от смены верований и шкалы ценностей населения, чем от территориальных перемен, и даже от смены власти. Так, например, птоломеевский Египет является продолжением прежнего Египта, несмотря на то, что его фараоны, столица и руководство переменились и стали эллинистическими, ибо завоевания Александра Македонского не привели к радикальной перемене верований, а лишь к их синкретическому смешению. Египетская система многобожия лишь обогатилась новыми богами, продолжая сохранять и всех прежних. Но, мусульманский Египет уже совершенно новое государство, потому что с арабским завоеванием в VII веке одновременно произошла и радикальная перемена верований и системы ценностей населения, и даже был заменён египетский язык арабским. Точно также, Новоперсидское царство Сасанидов превратилось в новое государство, потому что арабское завоевание тоже ведет не только к смене власти, но и к смене верований населения.

Однако, самую импозантную государственную мутацию в истории трудно объяснить одной лишь сменой верований. Действительно, после провозглашения религиозной свободы и терпимости святым Константином Великим в 313 году, языческая Римская империя быстро превратилась в совершенно новую Христианскую Империю. Но, в данном случае, смена верований не произошла сразу. Она началась приблизительно два века до этого момента, и продолжалась еще некоторое время после него. Что же тогда является причиной этой резкой перемены в Римском государстве? Ведь, все четыре основных элемента государства (территория, население, власть и верования) были практически одними и теми же за день до эдикта терпимости 313 года, как и на следующий день после него. Если эти элементы не изменились, то чем тогда объяснить изменение государства? Существуют и другие подобные примеры в политической истории. Например, за день до объявления независимого государства Израиль, на той же территории находилось то же население с теми же верованиями и существовала практически та же реальная власть, но этого государства еще не было. Испанское королевство тоже стало совершенно иным через несколько лет после смерти генерала Франко, при том же короле, том же населении, с теми же верованиями.

Очевидно, что помимо уже перечисленных основных четырех элементов государства, существует еще какой-то дополнительный элемент. Этим пятым элементом является **политический**

строй (режим, конституция) государства. Уже Аристотель ясно различает этот элемент, называя его «политией» (это слово имеет три значения: государство, республика и политический строй):

«Если государство (полис) является сообществом, причем сообществом граждан в рамках политического строя (кинония политон политияс), то если изменяется и делается иным политический строй (полития), по необходимости государство тоже перестанет быть прежним. То же мы говорим про хор, что он является одним, когда он комический, и другим, когда он трагический, несмотря на то, что зачастую он состоит из тех же людей... Если говорить про государство, что оно то же самое, то прежде всего надо иметь ввиду его строй, давая ему то же самое имя или другое, населяют его те же самые люди или совершенно другие». (Политика, 1276 в, 1-6, 10-13).

Политический строй (конституция) фиксирует соотношения между остальными элементами государства, соотношения между властью, территорией, населением и верованиями населения. *«Политический строй – это организация должностей (буквально: начальств, архас) в государствах, как они распределяются, каковой является верховная власть (кирион тес политияс) и какая цель (телос) у сообщества в каждом случае»* (Политика, 1289 а, 15-18). *«Политический строй – это форма жизни государства (полиса)»* (1295 а, 40).

Провозглашением Израильского государства был коренным образом изменен политический строй на его территории, а радикальной реформой испанской конституции в 1978 году было изменено само Испанское государство. Миланскими эдиктами святого Константина Великого был изменен политический строй империи, для улучшения соотношения между властью и реальным спектром верований населения, что и привело к преображению империи. Наоборот, февральский и октябрьский перевороты в России исказили и ухудшили это соотношение, т. к. были обманной и насильственной узурпацией государственной власти конспиративными меньшинствами, с верованиями и символикой отличными от русских народных верований. Эти меньшинства самозванно, самовольно и незаконно изменили имя и форму государства, навязав ему также и свою символику. Все это нарушило прежнюю гармонию между властью и объективно имеющимися верованиями, ценностями и бытом народа, тем самым приведя к радикальной перемене государственного строя, а вследствие этого, и к установлению совершенно иного государства.

Легитимность

Коллективное верование, общий консенсус о полноценной законности происхождения, учреждения и функционирования политической власти.

Ортега-и-Гассет считает, что политический консенсус всегда основывается на **«общем полном веровании в определенное представление о жизни и мире: Кто-то легитимен – царь, Сенат, консул, – когда его исполнение власти основано на компактном веровании всего народа в то, что он действительно является тем, кто имеет право исполнять её... Поэтому, когда это общее полное верование раскалывается, ослабляется или рассеивается, вместе с ним раскалывается и легитимность... За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, немедленно следует распад легитимности публичной власти... Тогда нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе».**

Перемена титулов и сроков носителей верховной власти в Риме в 510 г. до Р. Х. не повлекла за собой кризиса легитимности по той простой причине, что не было никакого кризиса в **народных верованиях** и не произошло никакой перемены в **отношениях верховной власти к этим верованиям**. Более того, эта перемена верховной власти не повлекла за собой упразднения легитимного источника авторитетности власти, ибо авторитетность с самого начала вытекала **одновременно из трех источников: царя, авгуров и Сената**. Когда царь был лишен всех политических и военных прерогатив, сохранив лишь религиозные, и стал одним из жертвоприносителей, с титулом *rex sacrorum*, он уже не мог быть источником авторитетности. В свою очередь, его наследники – два консула – не обладали «авторитетом отцов». Однако другие два источника этого авторитета – авгуры и Сенат – не только продолжали беспрепятственно существовать, но их роль в новых условиях консульского периода стала еще более значимой. Кроме того, из всех этих трех первичных обладателей авторитета в Риме именно Сенат обладал им в наиболее совершенной форме. По этому поводу Ортега пишет: *«Для римлянина времен (консульской) республики Сенат является учреждением, олицетворяющим наиболее полную и почитаемую легитимность, то, что они называли "авторитетом отцов" (auctoritas patrum).* Основанием для этого было их чувство, что Сенат является учреждением, в котором в скрытой форме **сохраняется монархия, без ее недостатков... Кроме того, Сенат состоял, в своем самом славном и почитаемом ядре, из древних царских семейств, отцов или вождей родов или кланов. Сенат также был и продолжал быть "милостью Божией". Поэтому, когда Цицерон восстанавливает легенду об истоках Рима, в разгар эпохи трагической нелегитимности, он говорит, что римляне**

обязаны Ромулу учреждением или созданием **двух самых важных институций** в публичной жизни Рима: **предзнаменований авгуров и Сената**. Другими словами, римский народ верил в трансцендентное, почти сверхчеловеческое право Сената осуществлять свой авторитет. Я говорю, что народ римский верил, а не тот или этот индивидуум верил. Это было **коллективное верование**, общий консенсус, действовавший полностью в общественном организме».

Таким образом, правопреемство римской консульской республики от римской монархии было полным и совершенным, ибо оно осуществлялось одновременно по нескольким параллельным каналам: сохранялись все прежние должности, учреждения и символы, сохранялось прежнее право и ничуть не повреждались общие религиозные и нравственные верования народа. Причем Ортега неоднократно отмечает, что все эти каналы были соединены между собой, так что можно сказать, что текущее по ним правопреемство держалось всегда на одной высоте. Как пример тому, можно указать на толкование Ортегой особого значения *права* для римлян. Философ считает, что исключительный характер римского права отнюдь не зависел от самого содержания его норм и законов. Конкретное **содержание** римского права зависело, в первую очередь, от чисто прагматического согласия в обществе по отдельным спорным вопросам. Однако, раз достигнутое согласие принималось безоговорочно всеми. Именно эта **безоговорочность** и была главной характеристикой римского права. Кроме того, Ортега отмечает, что содержание этого права, достигаемое путем политического согласия, менялось очень медленно. Римляне, утверждает Ортега, не только не любили, но просто не переносили «инфляции законов». Законы менялись, главным образом, путем добавления новых, а старые, в принципе, всегда сохранялись. Со времени составления «Двенадцати таблиц» деценвирами в 451 г. до Р. Х. и до 529 г. после Р. Х., когда был составлен «Кодекс» императора Юстиниана Великого (т. е. практически почти в течение целого тысячелетия), теоретически все римские законы продолжали быть действительными. Отличительной характеристикой римского права было *специфическое отношение римского народа к самому праву*. Римский народ *верил в абсолютный приоритет права в обществе*. И если, согласно древнему выражению, *«где общество, там и право»*, то там, где право, там и общество, а там, где нет права, там нет и общества. Правопреемство права и верований переплетались между собой.

В Римском Государстве в течение его более чем двухтысячелетнего существования (753 до Р. Х. – 1453 после Р. Х.) случалось много кризисов и крупных перемен, но никогда не было существенно нарушено легитимное правопреемство. Не было нарушено, ибо никогда радикально не менялось *конституционное соотношение между властью и народом, с его верованиями*. Верховная власть и политические власти этого государства в конечном итоге *всегда сообразовывались с народными верованиями*. Даже преобразование Римской империи из языческой в христианскую, в период между царями Константином Великим и Феодосием Великим, было вызвано **переменой религиозных верований** римского общества. Но в самих *отношениях между властью и верованиями народа* радикальных сдвигов практически никогда не было. Даже если в этих отношениях наступал длительный кризис, как, например, во времена иконоборческой ереси византийских императоров, политическая стабилизация государства наступала лишь после преодоления этих кризисов в **отношениях между властью и народными верованиями**. Именно в этом последнем пласте общественной действительности и кроется коренной смысл политической легитимности.

Либерализм

Одна из первых идеологических систем Западной Европы, возникших перед французской революцией, для окончательной подмены предыдущих политических режимов и их систем ценностей. Выражение «либерализм» этимологически происходит от латинского слова *libertas*, свобода. Корень этого слова связан с понятиями «люди» и «рост»: на древнегерманском – *liotan* (расти) и *liut* (личность, люди); на древнеанглийском – *leodan* (расти), *leod* (люди); на готском – *lindan* (расти); на древнегреческом – «элефтерос» (свободный). В свою очередь, корень *fri*, от которого происходят в германских языках слова обозначающие «свободу» (на древнегерманском – *fri*, на древнеанглийском – *freo*, на древненорманском – *frjals*, на готском – *freis*, на гальском – *rhid*) связан с понятиями «приятный, мягкий, нежный, милый» (по гречески «праис», а на санскрите *priya*, что значит приятный, приятель, милый, любимый, принадлежащий к собственному роду, или к собственной семье, то есть свободный, а не раб). (Webster's Dictionary).

В Риме, слово *liber*, по-видимому, первоначально обозначало *«личность, обладающую естественной возможностью производить на свет»*. Посему, молодого человека, достигшего зрелого возраста, и вследствие этого, находящегося в состоянии принять на себя обязанности в обществе, называли *liber* и давали ему *toga libera*, или *toga virile* (мужскую тогу). Испанский философ Хосе Ферратер Мора, выводит из этого заключение, что у римлян идея свободы была как бы направлена в

двух направлениях: с одной стороны, это возможность или мощь творить и делать, а, с другой стороны, это ответственность перед самим собой и перед обществом, то есть какое-то ограничение. Свобода, это значит быть в состоянии что-то делать, чтобы исполнять известные обязанности. Ферратер Мора добавляет, что в дальнейшем понятие «свобода» получило много дополнительных значений, но эти два исходных и первоначальных смысла всегда продолжают, так или иначе, в них присутствовать. (Jose Ferrater Mora. Diccionario de Filosofia. Buenos Aires, 1969. 11,49). Таким образом, если слово «свобода» в русском языке связано с понятием «своего быта», то в других индоевропейских языках это выражение связано с понятием «своего люда», «своего рода», «своего общества» и «своих учреждений», в которых **приятно** жить, творить и даже исполнять общественные обязанности, а также и с понятием «**роста**», как и в слове «авторитет».

Выражение «либерализм» было, по-видимому, впервые употреблено испанским философом Juan Luis Vives (1492-1540). Он писал по-латыни, и был искренне верующим христианином. Он известен своими выступлениями против софистики, в какую-то, по его мнению, превратилась в его время схоластическая диалектика. Но, его никак нельзя считать предшественником того идеологического течения, которое позже стало называться именем либерализма, употребленным впервые им.

Либерализм, в сегодняшнем понимании, зародился в 18-ом веке, в рамках общих политических и экономических идей, накануне французской революции. Испанский философ Ортега-и-Гассет подчеркивает, что нельзя забывать того обстоятельства, что либерализм начал свое существование с **провозглашения одной единственной частной свободы, а именно – торговой свободы**. С этого момента и началась **экспансия капитализма**, который увидел перед собой безграничные рынки, на которых он мог распространять, практически безгранично, свою продукцию. При такой практической безграничности рынков и продукции, не было никаких препятствий для того, чтобы и свобода, главным образом, торговая и промышленная, оперировала полностью и безгранично. Но, в наши дни, *«наша планета перестала быть бесконечной»*, говорит Ортега, предвосхищая позднейших экологов, и тут-то эта безграничная торговая и промышленная свобода столкнулись впервые с материальными ограничениями. Эта идея о безгранично расширяющейся торговле была тесно связана с идеей **прогресса**, тоже уходящего в бесконечную даль, только не в пространстве, как торговая свобода, а во времени. Обе эти идеи оказались фальшивыми, что стало очевидно, когда выявилась их абсурдность. Либерализм развивался в двух основных направлениях: либерализм экономический и либерализм политический.

Экономический (но не политический) либерализм искал для себя какого-то морального оправдания, что видно из названия капитального произведения Адама Смита, одного из его главных основоположников: *Theory of Moral Sentiments* (1759). Однако, политический либерализм сразу же определил себя автономным и независимым по отношению не только к нравам (этике или морали), но и ко всякой традиции вообще. Для этого либерализма, «либеральность» обозначает *«отрешение от условностей, традиции или догмы, выводимое из желания изменить учреждения, для того, чтобы они соответствовали изменчивым условиям, а не праву»*. (Webster's Dictionary).

Из многих противоречий либерализма, скрывающихся за его многозначностью, в первую очередь необходимо отметить его **двойственность по отношению к самому человеку**. В то время, как либерализм экономический полностью основывается на доверии к человеку и к человеческим побуждениям, либерализм политический исходит, наоборот, из метафизического недоверия к человеку. Экономический либерализм считает, что по своей природе человек естественно стремится к своему благополучию, в котором он кровно заинтересован. Эта заинтересованность стимулирует человека, как сознательно, так и подсознательно, направлять и развивать свою экономическую деятельность с наибольшими эффективностью и целесообразностью. Если человек, как экономический деятель, обладает возможностью свободно принимать свои решения, в рамках тоже свободных рынков, которые лишь обеспечивают ему известную безопасность и страхуют его от беспорядка и от чрезмерного риска, то эти решения статистически, в большинстве случаев, будут правильными, рациональными и своевременными, в результате чего, общая равнодействующая всего хозяйства будет положительной. Однако, если экономический либерализм основывается на доверии к человеку и к разумности его экономической деятельности, то либерализм политический, наоборот, исходит из недоверия к человеку и к его политической деятельности. Относясь без всяких предубеждений к накоплению и к концентрации экономической мощи, либерализм одновременно и целенаправленно добивается **ослабления и расщепления власти политической**, главным образом, с помощью двух идей, специально для этого разработанных: 1. Разделения политической власти. 2. Расщепления права на ряд так называемых «человеческих прав». К этим двум изначальным инструментальным идеям политического либерализма затем была добавлена идея партийной системы, как единственной и обязательной передаточной инстанции для перенесения народного

самодержавия на партийных представителей. Таким образом, либерализм в политической области проявляется как бы в виде тройственного плюрализма: плюрализма власти, плюрализма права и плюрализма партийных переносных ремней власти, от народа к партийным представителям.

Идея разделения власти на несколько частей была высказана впервые английским философом John Locke (1632 - 1704), который предложил разделить всю государственную власть на три власти: законодательную, исполнительно-судебную и федеративную (последнюю можно сравнить с верховной властью, ибо ей должно принадлежать право объявления войны, заключения мира и т. д.). Окончательную форму, этой идее разделения власти, придал известный французский политический мыслитель барон Монтескье (Baron de Montesquieu, 1689 - 1755). Доктрина Монтескье дает теоретическое обоснование не только для окончательного подрыва «старого режима», с его порядком, дисциплиной и иерархией, но и для ослабления и раздробления всякой политической власти в будущем, перед лицом новой, не раздробляемой и единой, монолитной и монопольной капиталистической финансовой власти. В этом и заключается квинтэссенция либерализма: **экономическая мощь при политической немощи**. Монтескье ясно формулирует две главные идеи всей своей системы политического либерализма: 1. Существуют три вида власти. 2. Народ, как таковой, сам по себе не в состоянии «обладать» ни одним из этих трех видов власти.

«В каждом государстве существуют три типа власти: законодательная власть, исполнительная власть и судебная власть». (О духе законов, 11-я кн., 6-я гл.). Но, в свою очередь, законодательная власть должна быть разделена на две части, из которых одна, аристократическая, должна быть «властью умеряющей», то есть сдерживающей. В свою очередь, «высшая исполнительная власть должна находиться в руках монарха... так как она лучше исполняется одним, чем многими...». (Там же). Монтескье рекомендует, чтобы «из трех упомянутых властей, та, которая судит, была почти равна нулю». Для этого, «судебная власть не должна быть дана постоянному сенату, но должна осуществляться лицами, вышедшими из народной массы, временно и попеременно назначаемыми в согласии с законом, образуя трибунал, действующий короткое время». Это позволяет Монтескье приступить к начертанию его первого проекта: «Остаются две власти: законодательная и исполнительная. Эти три власти (так как имеются две власти в законодательной) нейтрализуются между собой. Но, будучи побуждаемы необходимым движением вещей, они окажутся принужденными действовать в согласии». Из этого предложения родилась, потом, так называемая система «тормозов и противовесов» во многих конституциях, особенно на американском материке. Расщепляя, таким образом, государственную власть на несколько частей, и ставя эти части в равновесие между собой (наподобие шлагбаума или лифта и их противовесов), вся политическая власть приводится в такое состояние, что ею могут довольно легко и скрытно манипулировать не публичные факторы.

Второй проект Монтескье позволил легитимировать узурпацию народной власти, как в либеральных, так и в социалистических государствах. Этот проект возрождает старую римскую идею делегации власти. Монтескье утверждает, что «народ не обладает способностью разбирать дела», и «поэтому необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей то, что он не может делать сам». (Эта идея лежит в основе той части конституции США, в которой предписывается процедура выборов президента США). Вообще, «законодательная власть народа в массе невозможна в больших государствах, и имеет много неудобств в малых». Исходя из этой предпосылки, затем развились либеральные и социалистические представительные системы, и даже такие политические структуры, как «советы рабочих и солдатских депутатов».

Центральная идея политического либерализма, подробно разработанная Монтескье в труде «О духе законов», вращается вокруг попытки создания такого государственного строя, в котором можно было бы обезвредить и ослабить государственную власть, путем ее разделения на части, по функциям, с помощью специально для этого написанных конституций и законов. Сам народ не должен принимать прямого и полного участия ни в одной из четырех властей, но все эти четыре власти будут действовать его именем. Новые американские государства, отрезанные от своих исторических корней в Европе, оказались особенно благодатной почвой для проведения в жизнь этого грандиозного эксперимента для осуществления на практике таких отвлеченных политических теорий. Ввиду специфических особенностей Нового Мира, при преломлении на практике либеральных идей Монтескье, в их, специально для этого написанных конституциях, оказалось, что на лицо не было ни монархии, ни аристократии, необходимых, согласно Монтескье, для осуществления его либеральной теории. Это привело к гипертрофии законодательной власти. Так было потеряно с самого начала то пресловутое равновесие между разными политическими началами, которыми так дорожил Монтескье, и которое должно было, по его замыслу, являться залогом благополучного осуществления политического либерализма.

Кроме того, практика комплектования законодательных органов в либеральных государствах тоже не совпадает с оригинальной либеральной теорией. Монтескье утверждает, что «народ не способен; это и является как раз одним из наибольших недостатков демократии». Поэтому, необходимо, чтобы «народ делал посредством своих представителей то, что он не может делать сам». Однако, эти представители не должны быть «взяты из общей массы (тела) нации; будет уместно, чтобы **каждое место имело своего представителя, избранного местными жителями**». («О духе законов». 2-ая книга, 6-ая глава). Однако, либеральная практика придерживается лишь той части либеральной теории, которая считает неуместным прямое правление народа, но она, в большинстве случаев, отходит от той части либеральной теории, которая требует, чтобы это представительство было основано на земском, территориальном принципе. Вместо земского принципа, либеральная практика предпочитает придерживаться партийного начала, при котором номинальные представители народа на самом деле являются реальными представителями партий и за ними стоящих инстанций.

Дальнейший разбор отхождений практического либерализма от первоначальной либеральной теории Монтескье не может упустить из виду проблемы, связанные с судебной властью. Монтескье утверждает, что «судебная власть не должна быть дана постоянному сенату, но должна осуществляться лицами, вышедшими из народной массы, временно и попеременно назначаемыми в согласии с законом, образуя трибунал, действующий краткое время.» Несмотря на очевидные усилия подогнать как-то либеральную практику к этой первоначальной либеральной теории (например, путем учреждения судов присяжных поверенных, или даже выборов судей на низшие уровни), всё-же либеральные конституции учреждают постоянный профессиональный суд, никак не подводимый под категорию «как бы невидимой и аннулированной судебной власти», как этого требует Монтескье. Конституция США, например, учреждает Верховный Суд, состоящий из пожизненно назначаемых профессиональных судей. Известный монархический и даже самодержавный характер высшего суда США явствуется не только из способа назначения его членов и из пожизненного характера этого назначения, не только из авторитарного права этого Суда «аннулировать все законы противоречащие конституции», но еще больше из его реальной власти беспрекословно толковать по своему усмотрению самый смысл этой конституции: «Конституция США является тем, чем она должна быть, согласно толкованию Верховного Суда». (С. Негтап Pritchett. The American Constitution).

Монархия

Одна из трёх правильных форм политических режимов, согласно первым классификациям политической науки (Платона и Аристотеля). Буквально: «**единоначалие**», от «монос» (один) и «архос» (начало), как и в слове «архонт» (начальник). (В Афинах, после одного «монарха», «василевса», Полис сперва стали возглавлять два архонта, а затем десять архонтов).

В перечне шести чистых видов политических форм у Аристотеля, монархия стоит на первом месте, перед аристократией и политией (переведенной Цицероном как «республика»). После этих трёх «правильных (орфас) конституций» следуют три «отклонения» (*пареквасис*) от них: *тирания от монархии, олигархия от аристократии, и демократия от республики (политии)* («*тираннида мен василиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политиас*»). (Политика, 1289 а, 25).

Существуют разные виды монархий, ибо часто монархические формы присущи смешанным политическим режимам, которые могут варьировать, в зависимости от их мировоззренческих и политических характеристик. Аристотель перечисляет некоторые виды монархий, в том числе и «панвасилею» варваров, каковое выражение можно перевести как «абсолютную монархию».

Республика

Так называлось Римское Государство, основанное его первым царём Ромулом и его братом Ремом в 753 году до Р. Х., согласно исторической традиции. Слово «республика» буквально значит **общее дело**: *рес* (вещь, дело) + *публика* (общественное, публичное). Римляне так называли свое государство во время монархии, от 753 до 510 годов, во время республики, до 40 года до Р. Х., и даже во время империи. Официальным именем этого государства было «Сенат и народ римские» (*Senatus Populusque Romanus*, сокращенно SPQR).

В дошедших до нас трудах Аристотеля, он нигде не называет Римскую Республику по имени, хотя в одной фразе в «Политике» он несомненно имеет в виду ее характерный конституционный строй: «**В политиях немногие обладают авторитетом, чтобы отвергать, но не утверждать, ибо в последнем случае предложение всегда выносится на утверждение большинства.**» (Политика, 1299 а). Выражение «полития» Цицерон перевёл на латынь, как «республика», отметив, что в начале Римской республики в ней «были цари». Как раз это и происходило в Римской Республике:

авторитетом отвергать обладали, в первую очередь, **авгуры**, а затем и **сенаторы патриции**, сиречь потомки «отцов» – учредителей. (Новые сенаторы, которые не были потомками основателей Рима, таким «auctoritas patrum», «авторитетом отцов», не обладали). Само имя Римской Республики тоже говорило о такой двойственной структуре: S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus), сиречь «Сенат и народ римские». Причем, само слово «**populus**» по своей сути тоже обозначает **полноту всего народа**, сиречь **сумму** большинства и меньшинств, ибо само по себе большинство имело свое собственное имя: **plebs**. (Между прочим, выражения «**полнота**», «**популус**» и «**полис**» – имеют общий корень. Тит Ливий пишет: Non populi sed plebis magistratus, Магистраты плебса, а не всего народа).

Значит, это «общее государственное дело» было в самих своих истоках основано и учреждено как **соборный и смешанный политический строй**, в котором были органически интегрированы монархические (rex), аристократические (сенат) и народные (populus) элементы, в симфонии с хранителями религиозных и мировоззренческих ценностей – авгурами. Цицерон, в своем труде «О государстве» (De republica), подеркивает, что вся суть римской государственности заключается в учреждении самим её основателем Ромулом «*двух наивысших основ нашего государства: авгуров и сената*». Ортега обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место жреческую коллегию авгуров, а не Сенат. Социологически, сам учредительный процесс становления Римской республики выявляет основную сущность её **соборной идеи всеобщего соучастия при идейном и политическом консенсусе**. Эта соборная идея проявляется на всех этапах этого процесса. Известный римский историк Тит Ливий, в своей «Истории от основания Рима», пишет, что основатели Рима, Ромул и Рем, поначалу «*разделяли труды и потехи с пастухами*», с которыми они создали «*отряд юношей*». Затем «*от соседних народов сбегались все жаждущие перемен – свободные и рабы без разбора – и тем была заложена первая основа великой мощи*».

Таким образом, в своих истоках Рим был **поселением казачьего характера воинственных юношей**, искавших свободы и приключений. Поначалу, в их городе не было рабов ни женщин, как и в Запорожской Сечи. Затем, «*Ромул разослал по окрестным племенам послов – просить для нового народа союза и соглашения о браках*». После отказа, римляне были вынуждены похитить девиц у своих родственных соседей сабинян: «*По данному знаку римские юноши бросились похищать девиц. Большую часть хватили без разбора, какая кому попадет*». После состоявшейся войны с сабинянами, наконец с ними был «*заключен договор, и из двух государств составили одно*». Причём, это было достигнуто при посредничестве самих похищенных сабинянок, окончательно примиривших своих новых мужей со своими отцами. Тит Таций, вождь сабинян, и Ромул «*заключили договор, и не просто примирились, но из двух государств составили одно... Царствовать решили сообща*». Так, первое царское правление в Риме стало двойным, как и в Спарте, где всегда было два царя. Следующие затем шесть царствований в Риме были единоличными, но с переходом на власть годовых консулов первоначальное двойное правление восстанавливается и снова становится постоянным в Риме. Затем, Ромул «*стал делить народ на тридцать курий, которым дал имена сабинских женщин... В ту же пору были составлены и три центурии всадников: Рамны, по Ромулу, Тиции, по Титу Тацию, и Луцеры, чье имя, как и происхождение, остается тёмным*» (Тит Ливий, там же.)

Так была учреждена **структура этой первой в мире республики**, в результате надплеменного объединения (и многонационального, ибо этрусски были иного этнического происхождения, чем латиняне и сабиняне) трёх племён: латинян (рамны), сабинян (тиции) и этрусков (луцеры). Каждая из этих трёх третей (т. е. «триб», племён) была разделена на десять курий, а каждая курия состояла из десяти родов (gens). Каждый род давал республике одного всадника и десять пеших воинов, а сам старейшина рода входил пожизненно в Сенат, то есть в совет старейшин (Герусия в Спарте). Власть в республике принадлежала царю (rex), который постоянно советовался с Сенатом, собранием пожизненных старейшин, место собрания каковых так и называлось: **собранием воинов**, «ковирией», затем сокращенно «**курией**». Инаугурации каждого царствования а затем и каждого нового конульского периода имели религиозный характер и совершались авгурами. Воины каждой курии тоже собирались в своих куриальных куриях. Все римские граждане (cives) в официальных обращениях обычно назывались квиритами (quirites). Со временем, самого Ромула, первого царя Римской Республики, стали величать **Квирином** (Quirinus). Очевидно, что эта первая в мире республика отнюдь не было прообразом для современных новых республик, впервые провозглашенных в отделившихся американских колониях западноевропейских империй.

Процесс сильного увеличения жителей Рима, благодаря дальнейшему прибытию многочисленных пришельцев «жаждущих перемен», вызвал необходимость новых конституционных реформ в Республике. Новые пришельцы и их потомки назывались «плебеями», в то время как потомки учредителей и основателей Рима, т. е. «отцов», назывались «патрициями», потомками отцов. Все римские авторы были согласны, что эти необходимые реформы были удачно проведены Сервием

Тулием, шестым царём Рима, этрусского происхождения. Он применил первоначальный коренной римский республиканский принцип к новой ситуации: если приписные пришельцы станут в военный строй, рядом с патрициями, то они тоже будут иметь право головать как и патриции, но уже не по куриям патрициев, а по общим сотням (центуриям) легионов, как равноправные воины.

Таким образом, принцип изначального надплеменного объединения был применён и к новым приписным пришельцам, при условии их **военной интеграции**. Этот принцип объединения был присущ также и становлению Афинского Полиса. По гречески он назывался «**синекией**», от «сине» (со) и «экос» (дом). В Афинах даже считали, что существует богиня Синекия, покровительствующая этому явлению «сожителства». Известный историк Рима Моммзен считает, что вся история Римского Государства может быть выражена этим термином: синекия. Затем, Моммзен заменил это малоизвестное слово на выражение «инкорпорация».

После реформ Сервия Тулия, процесс инкорпорации плебеев продолжался, до их полного включения в Республику. Затем были включены, с правом гражданства, соседние города этрусков, а затем постепенно и все жители Италии и даже многие жители других территорий Римской Империи. Апостол Павел говорил: «я римский гражданин». В 212 году, законом императора Каракаллы, все свободные жители Римской Империи получили римское гражданство.

Самодержец

Перевод на русский язык греческого титула восточных римских императоров «автократор», образованного от «автос» (сам) и «кратос» (власть, как и в слове «демократия»). Обозначает реальную, а не только формальную независимость верховной власти от внешних и внутренних подчинений и зависимостей. В России этот титул впервые официально применялся Владимиром Святым. Во время татарского ига он не употреблялся его преемниками. Титул самодержца снова начинает употребляться после провозглашения независимости от татар великим князем Иваном Третьим, а затем и его наследниками. Профессор Карташев называет великого князя Ивана Третьего «*белым (свободным) самодержцем*», ибо он «*освободил Россию от татарской неволи*», прекратив платить дань татарам, как раньше князь Олег прекратил платить дань хазарам. Однако титул «самодержец» отнюдь не обозначает абсолютной власти, как это иногда утверждается, а власть независимую, суверенную.

Сенат

Специфическая институция Римской Республики, учрежденная самим Ромулом, основателем и первым царем Рима, в 753 году до Р. Х. Это слово по своему смыслу обозначает «совет **старейшин**».

Сенат Римской Республики имел несколько основных функций. Это был **перманентный регентский совет, обеспечивающий стабильность, устойчивость и преемственность легитимной власти** в этом государстве, при любых, даже непредвиденных, обстоятельствах, и особенно в периоды междуцарствия, когда Сенат был источником политической легитимности и единственным резервом кандидатов на высшие должности в государстве, включая кандидатов в его возглавители. Римский Сенат приобрёл этот характер **постоянного регентского совета** после смерти Ромула, основателя и первого царя Рима. Римский Сенат обладал многими весьма оригинальными и интересными качествами и характеристиками, но в конечном итоге его самой важной политической функцией было **обеспечить легитимное правопреемство государственной власти даже в случае гибели всех предыдущих носителей этой власти**. Значит, Римский Сенат был постоянным, **перманентным регентским советом** Римской Республики, ибо **Сенат обеспечивал устойчивость, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме**.

Римский Сенат был своего рода **осадком опытной политической элиты** римского государства. Моммзен определяет Сенат Рима следующим образом: «*Сенат – это учреждение, образованное из мужей не только **назначенных** в силу своего **происхождения**, но также и **выбранных** волей народа, каждые пять лет **подтверждаемых** нравственным трибуналом (цензоров). В Сенате состояли пожизненно лишь самые достойные (граждане), свободные от краткосрочных мандатов и от **меняющегося мнения толпы**... Сенат включал в себя весь политический ум и весь государственный опыт нации*». (Теодор Моммзен. *Римская история*. Книга II, глава III, 33).

Вызывают удивление современные грубые искажения самого понятия «Сенат». Этимология этого выражения указывает на Сенат, как на **корпорацию старейшин, старших, «отцов»**, как говорили сами римляне, или на «**старшую дружину**», как говорили у нас на Древней Руси. Однако, в современном мире этот римский политический термин употребляется в смысле корпорации **временно участвующих** в ней **временно выбранных** (иногда по федеральном признаку) представителей, выдвинутых политическими партиями. Это не имеет ничего общего с

первоначальным смыслом этой римской институции. Ведь не могут же старейшины и отцы быть лишь временно таковыми. Откуда произошло сегодня такое расхождение между первоначальным понятием и его современным толкованием? Существует гипотеза, что когда некоторые западные религиозные секты, загнанные в подполье Инквизицией, решили выйти из этого подполья через идеологические надстройки, ими же в подпольи надуманные и сконструированные, они были вынуждены пользоваться уже существующей и всем известной традиционной политической терминологией, но с искаженным смыслом.

Первоначально, цари назначали сенаторами **старейшин** ста, а затем трехсот традиционных родов Рима. Затем, назначения сенаторов, тоже из традиционных знатных родов, производили цензоры. Кроме того, выбираемые (из бывших консулов) каждые пять лет два цензора, для составления цензовых призывных списков всех граждан, имели право безапелляционно вычеркивать из списка сенаторов его недостойных членов. После конституционных реформ Корнелия Суллы (+ 78 до Р. Х.), сенаторами назначались квесторы, когда они заканчивали свой годичный срок служения. В Риме ежегодно выбирали квесторов (сначала четырёх, потом десять, и, наконец, двадцать), являвшихся самыми младшими сановниками Римской Республики. Кандидаты в квесторы должны были быть старше 30-и лет. После отбытия своей годовой службы на этой должности, квесторы назначались **пожизненными** членами Сената. Таким образом, Римский Сенат состоял из пожизненных сенаторов, число каковых варьировало в зависимости от ежегодной смертности сенаторов. (Теоретически, до Суллы Сенат должен был состоять из 300, а после Суллы из 600 сенаторов). Кандидатами на более высшие республиканские должности эдильей, преторов, консулов и цензоров могли быть **только лишь члены Сената**, причем, в порядке прохождения ими «курса чести» вышеназванных должностей (cursus honorum), с перерывами между ними. Это обозначало, что потенциальные кандидаты в верховные правители должны были состоять много лет в Сенате, а значить и пройти несколько раз «цензуру на достоинство», совершаемую каждые пять лет. Значит, Римский Сенат был своего рода монопольным **питомником опытных и достойных кандидатов** на возглавление государства, ибо лишь те сенаторы могли быть кандидатами в консулы, которые до этого уже были преторами, т. е. командирами легионов и судьями.

Именно в этом и заключалась суть конституционной реформы 510 года: не в сокращении срока власти до одного лишь года и не в выборе двух главителей государства вместо одного, как в Спарте, а в **категорическом ограничении круга кандидатов, из числа которых могли быть выбраны и назначены главители государства**. Это было предохранением от возможных «подсовываний» кандидатов в правители со стороны или из подполья, для закабаления государства и его превращения в инструмент частных или корпоративных интересов.

Симфония

Совокупность условий для гармонических взаимоотношений между Церковью и государством, при их разделении, согласно Шестой Новелле византийского императора Юстиниана Великого.

Император Юстиниан (527-565) подытожил процесс перерождения Римской Империи из языческой в христианскую, найдя подходящий термин, с помощью которого он выразил основное начало нового положения. Более того, он придал четкое юридическое определение этому началу, ставшему основным конституционным принципом Восточной Римской Империи, а затем и Русского Государства, начиная со святого Владимира. Известный византинолог А. А. Васильев считает, что *«два труда Юстиниана оставили глубокий след в истории человеческой цивилизации и полностью оправдывают данное ему имя Великого. Это его гражданский кодекс и Собор Святой Софии. Интересно, что каждый из этих двух великих трудов был окончен в пятилетний срок»*.

К тому времени, «Двенадцати таблицам», первому своду римских законов, было уже около тысячи лет. Количество старых римских и новых имперских законов приняло такие громадные размеры, что император Юстиниан решил уложить их в новое собрание. В 528 году началась работа комиссии десяти юристов (наподобие децемвиров, назначенных в 451 г. до Р. Х. для составления «Двенадцати таблиц»). Уже в 529 году был готов Codex Justinianus, со всеми имперскими законами, начиная от императора Адриана. В 533 году были опубликованы Pandectae, являющиеся сводкой двух тысяч старых римских юридических книг, и Institutiones, руководство по гражданскому праву для студентов. Эти труды были написаны по-латыни, уже непонятной большинству населения восточной части Римской Империи, почему и были сделаны их сокращенные переводы на греческий язык. Так было сохранено *«римское право, которое нам дало юридические основные начала, управляющие большинством наших современных обществ»* (А. А. Васильев). В дополнение, император Юстиниан составил ряд новых законов, получивших название «Новелл» (Novellae leges). (В 12-м веке Кодекс, Пандекты, Институции и Новеллы были собраны в один Corpus juris civilis.)

«Законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Из разрозненных соборных постановлений еще не составилось одного церковного кодекса. Юстиниан... синтезировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я Новелла является сводкой всех узаконений об епископах и клириках, 133-я – о монашестве и т. д. Эти сводки положили начало церковному Номоканону или Кормчей». (А. В. Карташев. Вселенские соборы. Париж, 1963, стр. 538)

В Шестой Новелле, адресованной *«Епифанию, святейшему архиепископу царского града и вселенскому патриарху»*, император Юстиниан впервые четко определил идеал новых взаимоотношений между «священством и царством», как **симфонию между ними**. Её текст, по-гречески, по-латыни и на средневековой латыни, занимает 12 страниц современного издания: *Corpus juris civilis. Volumen tertium. Novellae. Berolini MCMXLII. Apud Weidmannos.* Доктрина о симфонии определена в предисловии этой Новеллы. В русской науке имеется перевод основной части этого определения в следующей формулировке:

*«Величайшие дары Божию, данные людям высшим человеколюбием, это – священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. **Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (симфония)**».* (А. В. Карташев. Там же, стр. 537. В «Кормчей» дается немного иной перевод.)

Из этого перевода Шестой Новеллы ясно видно, что симфония отнюдь не является любым сосуществованием церковной иерархии и государственной власти, ибо она обуславливается конкретными условиями. Последняя фраза этого перевода является сокращением, опускающим требование к священству также и **«быть верным Богу»**, и сводящим требования к царству к одному только условию: «пользоваться лишь законной властью». Но суть этого определения заключается в требовании **правильного государственного строя, с порядочной властью**, как необходимых предпосылок для доброй симфонии. Буквальный перевод этой фразы гласит: *«Потому, если Священство поистине беспорочно и верно Богу, а Царство украшено правильным и порядочным государственным строем, между ними будет добрая симфония, которая для пользы человеческого рода предлагается».* Вот полный текст начала Шестой Новеллы по-латыни:

*«Praefatio. Maxima inter homines Dei dona a supera benignitate data sunt sacerdotium et imperium, quorum illud quidem rebus divinis inservit, hoc vero humanas res regit earumque curam gerit: quorum utrumque ab uno eodemque principio proficiscitur et humanam vitam exornat. Quare nihil imperatoribus aequae curae fuerit atque sacerdotum honestas; si quidem hi etiam pro illis ipsis semper Deo supplicant. Nam si alterum omni ex parte integrum est et fiducia Dei praeditum, alterum **recte et decenter rempublicam** sibi traditam exornat, **bonus** quidam **concentus** existet, qui quicquid utile est humano generi praebeat...».*

Слова, набранные жирным шрифтом, в греческом тексте гласят: *«орфос те ке просиконтос политиян»* и *«симфония... агафе»*. В другом латинском варианте, слово *decenter* (**порядочным**) заменено словом *competenter* (**компетентным**), а слово «симфония», вместо *concentus* переведено как *consonantia* (**созвучие**). Выражение *«орфос политиян»* принадлежит Аристотелю. Употребление такой специфической терминологии в этой новелле указывает, что её смысл необходимо толковать именно в смысле определений Аристотеля и всей классической философии политики. Аристотель многократно обозначает этим термином в своем труде «Политика» три правильных политических строя, в отличие от трех неправильных, или извращенных режимов. (Политика, 1288 а, 34) Следовательно, слова *«recte rempublicam»* («правильной республикой») в латинском тексте Шестой Новеллы (являющиеся переводом греческих слов «орфос политиян») означают «правильным государственным строем», а не «римской республикой», тем паче, что в этом же абзаце слова *«царство»* и *«империи»* употребляются как синонимы *«правильной республики»*. В данном случае определение **«правильный государственный строй»** уточняет **одно из необходимых условий** для достижения симфонии. Император Юстиниан добавляет к этому условию еще требование Платона (Письмо VII), чтобы такой строй был также **порядочным** (*decenter*), а по другой латинской версии компетентным (*competenter*). Значит, **добрая симфония** (сиречь «благосозвучие») отнюдь не является только лишь согласием между священством и государством, а тем паче **любим согласием**. Достижение согласия зависит от субъективной воли соглашающихся сторон. Но для доброй симфонии одной субъективной воли к согласию недостаточно, ибо, кроме этого, еще необходимо осуществление ряда **объективных предпосылок**.

«Симфония» — это буквально **созвучие**. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово «согласный» калькирует латинское *consonans*, или греческое «та симфона». Однако под словом «симфония» словарь дает буквальный перевод этого греческого слова как «созвучие». «Согласие» нужно было бы перевести на латынь как *concordia*. Однако слово «симфония» в Шестой

Новелле в латинских текстах переводится как *consensus* и как *consonantia*, хотя выражение *concordia* было в широком употреблении в римской политической и юридической практике. (Цицерон определяет дух римского государства **свободой и согласием**, *libertas et concordia*, в римском понимании этих понятий). СопсогПа этимологически происходит от **«сосердечия»**, то есть от субъективного сердечного предрасположения. «Созвучие» же зависит от объективной и точно измеряемой частоты составных звуков. Благозвучные аккорды получаются только тогда, когда составляющие их звуки: 1. Не одной частоты, ибо в таком случае получится не аккорд, а унисон; 2. Имеют такие разные частоты, которые гармонируют между собой, ибо в противном случае получится не добрая симфония, а какофония, то есть плохое созвучие. Таким образом, необходимые объективные предпосылки для достижения хорошего созвучия между Церковью и государством, согласно учению (доктрине) императора Юстиниана, можно изложить следующим образом:

1. Добрая симфония Церкви возможна только лишь с каким-нибудь из трех правильных («recte», «орфос») государственных режимов, то есть, согласно определению Аристотеля, с монархией, аристократией или политией (республикой), или, в крайнем случае, с каким-нибудь смешанным режимом, в котором преобладают принципы этих правильных режимов. Определение симфонии исключает возможность таковой с каким бы то ни было политическим строем, являющимся извращением правильных режимов. Значит, симфония Церкви невозможна ни с тиранией, ни с олигархией, ни с демократией (понимаемой в классическом смысле, то есть как извращение политики, сиречь республики).

2. Кроме того, в рамках такого правильного режима, необходима еще и порядочность («просиконто», «decenter»), или, по другой латинской версии, компетентность («competenter») государственной власти.

3. Добрая симфония, требуя эти два условия от государства, не требует ничего от Церкви как таковой. Церковь, как Тело Христово, не подлежит никаким требованиям, ибо, в данном случае, святой император Юстиниан, адресуя Шестую Новеллу константинопольскому патриарху, имеет в виду Православную Христианскую Церковь. Однако эта новелла выдвигает недвусмысленные **требования к священству** (духовенству, согласно А. В. Карташеву, «иереон», «sacerdotum»): для того чтобы симфония была возможна, священство должно быть **благочестивым** («honestas»), **беспорочным** («integrum») и **полностью верным Богу**. Значит, хотя само священство и не является всей Церковью, все же от его качеств зависит возможность доброй симфонии Церкви с государством.

4. В основании этих трех объективных условий для достижения доброй симфонии лежит принцип равновзвучия царства и священства, каждого в своей сфере, ибо «оба происходят от одного источника», оба являются «величайшими дарами Божьими» и оба имеют одну и ту же цель – «украшать человеческую жизнь», для «пользы рода человеческого». Именно признание и принятие такого божественного происхождения правильной государственной власти (царства, «василеи», «империума») и является основной принципиальной предпосылкой для симфонии. Очевидно, что отрицание самой государственной властью такого своего происхождения, или тем паче её **принципиальный агностицизм**, автоматически исключают возможность доброй симфонии. Симфонию также исключает принципиальное непризнание, что оба, и царство и священство (при исполнении обоими всех указанных условий), являются «величайшими дарами Божьими», которые должны «украшать человеческую жизнь».

Из обзора этих необходимых предпосылок доброй симфонии явствует, что она на практике трудно достижима полностью. Кроме того, такая сложная структура необходимых предпосылок для симфонии оказалась одной из причин для её непонимания, а вследствие этого и распространенных совершенно неправильных её трактовок. Являясь идеалом **идеальных соотношений** между церковью и государством, такая симфония характерна тем, что, даже если она и не всегда достижима в совершенстве, ее принципиальное признание является одним из важных стимулов и ориентиров для стремления к легитимности государства и к беспорочности священства. А, следовательно, через то и другое, к «украшению человеческой жизни, для пользы рода человеческого».

Соборность

Конституционный принцип древних европейских государственных образований, предусматривающий необходимость **всеобщего единодушного политического согласия** для учреждения и дальнейшего развития государства. В своих истоках этот принцип относился в первую очередь к согласию всех граждан-воинов, собрание каковых и было источником государственного учреждения и его основных законов. В славянских языках, особенно в русском и в сербско-хорватском, этот принцип имеет до сих пор сохраняющийся специфический термин – **соборность**. На Западе иногда употребляется термин греческого происхождения, соответствующий термину

«соборность» – «*кафоличность*», в котором греческая «фита» на Западе произносится как «т». Это слово имеет корни греческих слов «ката» и «олон», «**в согласии со всеми**», но его смысл на Западе искажен. Аристотель употребляет прилагательное *καθολου*, «**кафолу**», т. е., «**кафолическое**», коллективное, всеобщее, универсальное. (Аристотель, Политика, 1292 а).

Первым зафиксированным историческим проявлением этого принципа можно считать «собрание» Ромулом первых граждан основанного им Рима, за что Ромул и был назван Квирином, т. е. «Собирателем». Как и в Афинах, несколько веков до Рима, а затем и в Новгороде, полтора тысячелетия после Рима, учреждение нового государства было актом **надплеменного объединения** нескольких племён. В Афинах этот акт объединения четырёх племён назывался «*синекия*», буквально «смыкание домов». В Риме, каждое из трёх учредительных племён (триб, т. е. «третей») было подразделено на десять «ко-вир-ий» (от *со* – «вместе» и *вир* – «муж», «взрослый мужчина, воин»). Это имя, буквально «со-мужие», было затем сокращено в «курию» (*cūgia*). Курии, в свою очередь, были образованы из родов (*gens*). Каждая курия собиралась в своем месте для собраний, каковое тоже называлось, как и в русском языке, курией, собранием. Собрание старейшин всех родов нового города тоже называлось курией. Эти собрания старейшин (сената) происходили в разных местах, но затем в здании именуемом «**Курия Гостилия**», по имени её строителя. Это имя «*Cūgia*» красуется до сих пор рядом со входом в это реставрированное здание Римского Сената в Риме.

Политический строй в Древних Афинах и в Древнем Риме зиждился в основном на принципе **соборного соучастия всех граждан** в политической власти, под каковой подразумевалась **прямая власть**, без её отчуждения в пользу каких бы то ни было «представителей». Тогда это было возможно лишь при условии ограниченного числа граждан. Аристотель в «Политике» подчеркивает, что в «полисе» все граждане должны быть в состоянии видеть друг друга, когда они собираются вместе. Древние авторы даже называют оптимальную цифру граждан такой республики: около двадцати тысяч человек. (Всё население, состоящее из граждан, жен, детей, иностранцев и рабов, было приблизительно в пять раз больше). Интересно, что амфитеатры древнего греко-римского мира в большинстве случаев имели около двадцати тысяч мест. Однако, даже при таком ограниченном количестве граждан, тогда было технически трудно делать **прямые подсчеты всех голосов** всех граждан. Для преодоления этой проблемы, в Афинах и в Риме, а затем и в Новгороде, были применены аналогичные решения: голосования проводились **ступенчатым образом**, с помощью **территориального подразделения** государственной территории. Сперва проводились голосования в рамках каждого из первичных территориальных подразделений, которые затем, на следующей ступени голосований, подавали свои коллективные голоса, и так далее, до конца. Так, например, древний Новгород был разделен на пять «концов», а каждый конец на улицы. Голосования начинались по улицам, а затем улицы подавали свои коллективные голоса по концам. В конечном итоге, происходило заключительное голосование пяти концов, каждый из которых имел один голос. Такой военно-политический строй по-видимому был присущ многим индоевропейским народам, в том числе и славянам. Академик Рыбаков обращает внимание на то обстоятельство, что на Левобережье Днепра в VII – IX веках существовала организация **сотен и тысяч**. Запорожская Сечь была разделена на 38 куреней и была организована в принципе на началах аналогичных римским.

Древний Рим в самих своих истоках был разделен на три **трети**, по-латыни на три «трибы», в соответствии с **тремя племенами**, согласно легенде первоначально образовавшими Рим. Каждое племя («триба», треть) поставляла **сотню всадников**, под командованием своего **племенного вождя** («**трибуна быстрых**», *tribunus celerum*), и **тысячу пехотинцев**, под командованием своего «**тысяцкого трибуна**» (*tribunus militum*). Каждая из «третей» состояла из десяти **курий**. В свою очередь, каждая курия состояла из десяти **родов** (*gens*). Каждый род был представлен в Сенате своим старейшиной и поставлял в армию одного всадника и десять пехотинцев, по одному от каждого рода. Таким образом, Сенат состоял из 300 родовых старейшин (сенаторов), а первоначальный «легион» Рима – из трёх сотен всадников и трёх тысяч пехотинцев.

Однако, вскоре мудрый государственный ум древних римлян подсказал им, что такое племенное подразделение приведет к сохранению и к увековечению специфических этнических отличий и племенных сепаратизмов, в ущерб общему государственному единобразию и единству. Посему тогда, в глубокой древности, по-видимому в шестом веке до Р. Х., римляне впервые применяют свою типичную методологию положительного приспособления своих традиций к необходимой исторической эволюции, для разрешения возникающих вызовов и проблем, без отказа от своего собственного прошлого и от своей собственной исторической терминологии. Они тогда переразделили свое государство на **четыре части**, но уже чисто **по территориальному**, а не по племенному признаку, сохраняя при этом название «**трети**» за каждой из этих новых четырех четвертей. Так первоначальные **родовые** курии и трибы стали **земскими** (территориальными)

округами, в которых все граждане группировались по признаку лишь территориального соседства, без учёта родовых или сословных данных. Подобная социальная уравниловка требовала предохранительных мер для меньшинств, оказавшихся лишенными родовых и сословных покровительств. Возможно, что это и привело к необходимости конституционного обеспечения политических прав меньшинств.

Аристотель требует **«согласия всех»**, для того чтобы принимаемые законы обладали авторитетом и были конституционно легитимными: *«Где закон не обладает авторитетом, там нет политики (республики). Закон должен стоять выше всего, а сама политика и её сановники должны решать только лишь частные случаи. Если демократия является одной из форм правления, и если она будет организацией, в которой всё решается путём декретов, она не будет настоящей демократией, ибо ни один декрет не является соборным (καθολου, «кафолу», «кафолическим», всеобщим, универсальным).» (Аристотель, Политика, 1292 а).*

Аристотель считает, что «писанные законы» («ката граммата номой») должны опираться на **«нравственные законы» («ката то этос номой»)**, ибо *«нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных» (Политика, 1287 в).* Фундамент, на котором покоятся писанные законы, является **многолетним отстоем** верованиями, нравов, обычаев и традиций, **не подвластных прихотям очередных законодателей.** Таким образом, писанные законы являются **соборными и подлинно демократическими законами** только лишь тогда, когда они вытекают из общего соборного согласия (консенсуса большинства и меньшинства) современников и предков, и когда они уходят своими корнями в традиционную нравственную почву своего народа. Государства, с конституциями и законами, санкционированными лишь случайными и относительными большинствами, согласно Аристотелю, не являются «настоящими демократиями».

Это редчайшее у Аристотеля выражение *καθολου, («кафолу»)* через четыре века употребил священномученик Игнатий Богоносец. В своём Послании к Смирнской Церкви он пишет: *«Где будет епископ, там должен быть и народ, так как где Иисус Христос, там и католическая церковь» (καθολικῆ, вселенская, католическая, кафолическая).* Это слово передаётся в церковно-славянской традиции как «соборная». Этот термин содержится в Апостольском Символе веры, датировка которого не позже II века: *Πιστεύω εἰς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἀγίαν καθολικὴν ἐκκλησίαν.* Второй Вселенский Собор 381 г. дополнил Никейский Символ веры: *«Πιστεύομεν μίαν, ἀγίαν, καθολικὴν καὶ ἀποστολικὴν Ἐκκλησίαν» («... Единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь»).* На Западе о кафолическом свойстве Церкви замечательно выразился преподобный Викентий Леринский (450): *«В самой же кафолической Церкви особенно должно заботиться нам о том, чтобы содержать то, чему верили повсюду, всегда, все; ибо истинно и в собственном разуме кафолическое, как показывает значение и смысл наименования сего, – то, что всё вообще объемлет».* (*In ipsa item catholica ecclesia, magnopere curandum est ut id teneamus quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est; hoc est etenim vere proprieque catholicum, quod ipsa uis nominis ratioque declarat, quae omnia fere uniuersaliter comprehendit.*)

Отличительной характеристикой русской государственной идеи, помимо стремления к религиозной и этически ограниченной монархии, было сознание, что **полноценность** самой монархии достигается лишь если она **венчает** собой **органическую соборную структуру всех общественно-политических учреждений.** Полнота монархии заключалась в совместном ее действии с остальными общественно-политическими органами, как центрального, так и местного характера. Эта общая схема власти, присущая не только славянам, но и другим индоевропейским народам, развивалась на Руси не всюду одинаково, но основные ее черты присущи всем историческим этапам и вариантам нашего государственного развития, до конституционных отклонений во времена и после Петра Первого. Будь то вече, рада, круг или Земский Собор, будь то Господский совет, старшая дружина или Боярская дума, на Руси всегда существовали элементы как общенародной, так и **отборной** власти, которые неизменно сопровождали сначала княжескую, а затем и царскую власть, образуя вместе с ней одно целое. Рядом всегда стояла церковная власть, в виде Епископата или Церковного Совета, которые не вмешивались в саму политику, но принимали участие в решении судьбоносных, принципиальных и трансцендентных вопросов. Эта органическая структура дополнялась судебными и административно-управительными местными властями, одновременно и параллельно назначаемыми сверху и избираемыми снизу: *«Оба источника правительственных полномочий – общественный выбор и правительственный призыв по должности – не противопоставлялись друг другу, как враждебные начала, а служили вспомогательными средствами друг для друга. Когда правительство не знало, кого назначить на известное дело, – оно требовало выбора, и наоборот, когда у общества не было, кого выбирать, оно просило о назначении» (В. Ключевский).* Однако и *«всякие правители, назначаемые в города и волости, не могли судить дел без*

общественных представителей. Наконец, по всем вообще делам народ имел самое широкое право обращения к государю» (Л. Тихомиров).

Это и есть **соборный строй**, характеризующийся не только круглой полнотой и цельностью всей структуры власти, в которой **соучаствуют народные, аристократические и монархические** элементы, но и отличающийся широким применением **выборного начала**, особенно для **местного самоуправления**, а также и принципиальным сохранением древнего плебисцитарного начала для решения особо важных государственных вопросов. Этот соборный строй шире и глубже чистой монархии. Больше того, он являлся на Руси её основой и поддержкой. Когда этот соборный строй, пополняемый из сочетающихся народных и отборных властей, при симфоническом соучастии Церкви, перестал полноценно действовать после Петра Первого, царская власть непомерно себя отяготила **всеми** государственными функциями, одновременно ослабив себя чрезмерно, так как не имела больше поддержки ни Патриарха, ни Земского Собора, ни Думы. Наоборот, соборный строй, даже без монарха, как это было в 1611-1613 годах, и как это было довольно долго у казаков, в конечном итоге всегда органически стремился дополнить и увенчать себя монархическим возглавлением. Куцая же монархия, лишённая всякой соборной структуры, в конечном итоге обречена на гибель, несмотря даже на все личные достоинства самих монархов. Так что первым шагом для уничтожения нашей монархии было уничтожение соборного строя. Кроме того, исторически было трагическим заблуждением требовать от **одного** монарха, чтобы он действовал как **весь** соборный строй. В свою очередь, уничтожение соборного строя началось с отрицания народного начала в государственном строе. Таким образом, можно, резюмируя, сказать, что если наша монархия зиждилась на соборном строе, сам этот соборный строй, в свою очередь, зиждился на народном начале.

Д. А. Хомяков, сын известного мыслителя А. С. Хомякова, в переизданном в 1982 году исследовании «Православие, самодержавие, народность», так описывает этот исторический процесс искажений нашего государственного строя: *«Такое фактическое (и властное) отрицание народности у нас выразилось и в искажении самого строя государственного подтасовкой (бессознательной) абсолютизма на место самодержавия. Сначала это был абсолютизм чистый, а потом он превратился, вместе с появлением на Западе бюрократизма, в бюрократический; и это вместо исконного Соборного Самодержавия! Из этого постепенно истекли все искажения, которые коснулись и церковного строя, в котором соборность тоже была упразднена и заменена лже-соборной синодальностью, перешедшей тоже в церковный бюрократизм...»* (стр. 278).

Соборный строй относится не только к чисто политическому устройству, но имеет отношение ко всему общественному порядку. Западная политическая мысль, с характеризующим её рвением к расчленению на части, отделила политические функции не только от нравственных, но и от общественных, отличаясь этим не только от нашего русского мировоззрения, но и от древне-греческого, продолжателем которого она себя так кичливо считает. Ибо «полис» не только «государство», а **общество** с государственной оболочкой. В государстве действует писаное положительное право, но оно опирается на неписаное обыденное право самого общества и на его мораль или этику, то есть на его **нравы**. Эти общественные и бытовые нормы определяют также и социально-экономическую структуру государства, в наши дни получающую все большее значение.

И. Н. Андрушкевич

Примечания автора:

- 1). Первоначальная версия некоторых статей этого Словаря была впервые опубликована в 1998 году, в типографском номере журнала «Русские тетради» №1, а затем в «Кадетском письме» № 23, от апреля 2000 года, и в «Кадетской переключке» № 79, от 2008 года.
- 2). Темы статей этого Словаря «Аксиополитика», «Демократия», «Республика», «Диктатура», «Симфония» и «Легитимность» разбираются более подробно в №№ 8, 10, 12, 14, 15 и 29 электронных Русских тетрадей.

Русские тетради. Историко-политические анализы и комментарии.

№ 32. Буэнос-Айрес, ноябрь 2016 года. X год издания. Издается на правах рукописи.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. Электронный адрес: kadetpismo@hotmail.com

При использовании и перепечатке материалов ссылка на источник обязательна.

Все предыдущие номера помещены на блоге: <http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com.ar>